

Copyrighted material

БУДАПЕШТ. Здание Государственного собрания.

Фото Дм. Бальтерманца.

На первой странице обложки: АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ГРИБОЕДОВ.
Портрет работы **И. Н. Крамского.** 1873 год.
Государственная Третьяковская галерея.

Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 6 (1391) 7 ФЕВРАЛЯ 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Москва. Ленинградский избирательный округ. Рабочие, инженерно-технические работники и служащие машиностроительного завода выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР Председателя Совета Министров СССР товарища Г. М. Маленкова.

Фото М. Савина.

НАРОДНЫЕ КАНДИДАТЫ

На заводах и фабриках, шахтах и промыслах, в колхозах и совхозах нашей страны проходят предвыборные собрания трудящихся. Рабочие, колхозники, интеллигенция выдвигают своих кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР.

На этих выборах в высший орган государственной власти, как и в предыдущие избирательные кампании, Коммунистическая партия выступает в блоке с беспартийными.

На предвыборных собраниях в Москве, Ленинграде, столицах республик с большим воодушевлением выдвинуты кандидатами в депутаты Верховного Совета Союза ССР руководители Коммунистической партии и Советского правительства: товарищи Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Н. С. Хрущев, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров и М. Г. Первухин. В различных избирательных округах выдвинуты знатные люди страны: известный новатор производства рабочий-токарь П. Б. Быков, председатель передового колхоза Н. И. Пузанчиков, президент Академии наук СССР А. Н. Несмеянов, звеньевая из Киевской области С. Д. Виштак, таджикский поэт Мирзо Турсун-заде, заведующая свиноводческой фермой одного из белорусских колхозов В. И. Харитон, начальник передового участка бакинской конторы бурения № 1 Курбан Абасов, ткачиха М. Д. Бурджанадзе и другие.

Ждановский избирательный округ Москвы. Коллективы строительных организаций выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР строителя-новатора И. П. Ширкова. На трибуне — электросварщик В. С. Лысенков.

Фото Е. Умнова.

Copyrighted material

ШЕФ

Георгий **РАДОВ** — Рассказ — Рисунки В. Климашина.

1

Никанора Ивановича Серикова, шеф-монтера завода паровых двигателей, я узнал еще тогда, когда он работал слесарем-инструментальщиком.

Человек это был вот какой: роста среднего, фигурой костист — гимнастерка не облегала тело, а прямо спадала с прямых сильных плеч. В лице у Никанора Ивановича не замечалось ничего примечательного: широкое, желтоватое, несколько угрюмого вида и все в мелких оспинках. Один глаз Никанора не то чтобы покашивал, а как-то не к месту щурился, точно бы говоря людям: «Э, да мы не так уж строги, мы при случае и улыбчивы». Что же до волос, то их, пожалуй, можно было назвать и ржаными, если иметь в виду не ту парадную рожь, что просится на картину, а ту рожь, что уже и вдосталь належалась в скирдах и пообмокла, потемнела от осенних дождей,— волосы Серикова были бурого, блеклого цвета.

Всегда, заговаривая о Серикове, я припоминаю такую сценку: сидит слесарь за верстаком, как генерал в канун сражения,— широко расставив локти, ладонями сжав виски. Верстак завален нарядными, блестящими вещицами — готовой продукцией никаноровых рук, обычно опытными, экспериментальными вещами. Сзади осторожно подходит диспетчер, касается никанорова плеча, говорит:

— Ты побойся бога, Никанор Иванович! Что ты держишь готовое на верстаке? Сдавай свои вещицы! Это же триста процентов нормы.

— Готовое-то готовое,— оборачивается Сериков,— да вот соображаю, не разобрать ли их...

— Что ты, что ты! — пугается диспетчер.— К чему это разбирать?

— Сложноваты! — замечает Сериков.— Перемудрили конструкторы. Мыслишка есть — упростить.

— Господи! — вздыхает диспетчер.— Горе с тобой. Что тебе конструкторы! Ты же за них не в ответе. Сдавай. А если хочешь, сделаем так: ты сдай продукцию, мы ее оформим, пропустим, получишь денежки, а потом вноси предложение, упрощай на доброе здоровье.

Но Сериков, как он только услышит эти слова — «оформим» и «пропустим»,— тускнеет, отворачивается, а диспетчер уходит восвояси, зная, что теперь к строптивому Никанору хоть министра веди — не поможет.

Сказать по правде, не всем на заводе нравилась сверхпридирчивость слесаря к изделиям собственных рук. Иные считали Серикова зазнайкой, другие говорили, что это в нем желчь разлилась — свет человеку не мил, вот и куражится. Сам же Никанор Иванович, не прислушиваясь ни к одним, ни к другим, знай гнул свою линию.

По рождению Сериков был ленинградец. В наш городок выписали его, как говорится, на развод, для обучения молодежи. И не ошиблись. И слесарем он оказался хорошим и учил отменно, но и тут неприятность: трудно было молодым людям попасть в сериковскую номенклатуру, а вылетали они из этой номенклатуры пачками. Не принимал Сериков бесталанных. Племяннику главного инженера отказал, да не ласково отказал, а обидно: взял за плечи, отвернул от верстака, сказал:

— Катай отсюда, парень! Не будет из тебя слесаря.

— Хорошего не будет? — спросил племянник.— Так я жалованьем и не интересуюсь: батька кормит. А вот работа здесь чистая, это нравится.

— Никакого не будет из тебя слесаря! — безжалостно определил Сериков и подтолкнул: — Иди, не путайся!

И снова бранилось начальство:

— Ты что делаешь, Никанор Иванович? Не одни дамки нужны производству, полезны и пешки...

— Не признаю пешек! — отвечал Сериков.— У меня вон дядька двадцать шесть лет машинистом ездил на железной дороге, и все так ездил, средненько, не взял машину в руки, никаких новшеств не подарил людям. А стал помирать, признался: ошибся я. Мне бы не в машинисты идти, а на сидячую работу, в портные: там бы я развернулся... Вот вам, пожалуйста! Когда опомнился человек, что всю свою жизнь чужую стежку топтал!.. А вы ругаетесь! Может, в этих хлопцах другие таланты кроются, а я из них буду делать слесарских пешек!..

И не заставили. Зато получил цех выводок слесарей тонкого таланта.

2

Когда я присматривался к Никанору Ивановичу, всегда хотелось думать, что все это: сверхпридирчивость, строгость, грубоватость, въедливость — черты, так сказать, внешние, а под ними кроется, как это часто бывает и как об этом еще чаще пишут, душа добрая, снисходительная к людским слабостям. Нет, не обнаруживалось в Серикове доброй души. В самом деле, слесарь был строг безмерно и, надо заметить, не всегда справедливо строг. Когда, чуть нагнув голову, шел он к трибуне, по залу непременно ветрился шепоток, и люди ежились, поводили плечами, а кое-кто шептал соседу: «Не нас ли, друг, этот Никанор сегодня зацепит?» Цеплял Сериков грубо, не боялся обнажить больные места, растравлять раны и порой, критикуя человека, напоминал ему и о таких щекотливых предметах, о каких иные ораторы из такта умалчивали.

И, понятно, не все жаловали Никанора. Когда выбирали Серикова в партком или завком, всегда в десятке, а то и в двух десятках бюллетеней фамилия его была вычеркнута, причем, кажется, вычеркивали его не только те, которых он обидел, но и те, кого он еще не успел обидеть, вычеркивали, так сказать, в порядке профилактики... И даже друзья, которые в общем одобряли честного и прямого Серикова, и те твердили ему: «Помягче, дорогой, помягче... Это люди! Нельзя от каждого требовать полного идеала».

Но уж трудно было перевоспитать Никанора: слесарю шел сорок восьмой год.

Из-за характера попал он, между прочим, и в шеф-монтеры. Надоел заводскому начальству! Еще директор, умный человек, тот терпел Серикова, хотя про себя, видно, не раз отпускал по его адресу крепчайшие словечки. Что же до главного инженера, начальника це-

Copyrighted material

ха снабженцев, председателя завкома, так те просто стонали — так в них впился Никанор. Что ни собрание, что ни номер газеты, то он их гвоздит и гвоздит, роздыху не дает...

Вот так и случилось, что, когда открылась вакансия разъездного работника — шеф-монтера,— начальник цеха выдвинул Серикова, и так всем понравилось предложение это, что в пять минут был сочинен приказ и выписана первая командировка в Вологду, подальше от заводских дел и заводских начальников. Директор задумался над приказом, усмехнулся про себя,— видно, понял маневр,— подмигнул главному инженеру, но ничего не сказал, подписал.

Словом, сплавили человека с глаз долой, но, впрочем, просчитались. Еще на первом, без Серикова, собрании начальство отдыхало, но на втором взял слово Данилушкин, друг Никанора (при Серикове он только головой кивал в такт никаноровым речам). Встал этот Данилушкин и точнейшими никаноровыми словами начал раскладывать начальство. А за ним поднялся Росляков, потом Трифонов — все пошло по старой дорожке. А Никанор этот, правда, месяцами странствовал по деревням, устанавливал там двигатели, а приезжал на завод лишь затем, чтобы отчитаться и получить путевку, и, если случайно попадал на собрание,— тоже подливал масла в огонь... Но потом он несколько поотстал от заводских дел, на собраниях сидел молча, посматривал в окно, занятый какими-то посторонними думами. Словом, все решили, что человек укрощен.

Укрощен Сериков! Версты или незнакомая дальняя природа, но что-то развеяло неистового Никанора...

3

Развеяло! Года не прошло, как поступило к директору письмо из Орловской области, изпод Кром. Оно и сейчас хранится в завкоме, там я его и списал.

«Дорогой товарищ директор! Пишет вам бывший председатель колхоза «Рассвет», Лукояновского сельсовета, тов. Постников Сергей Акимович, ныне снятый с должности и пострадавший по причине вашего работника, некто Серикова Н. И.

В первых строках я вам опишу про себя, чтобы вы знали, что пострадал я не за воровство и не за головокружение, а безвинно, чему виноват гр. Сериков.

Я, Постников С. А., рождения 1903 года, в 1936 году был послан в колхоз «Рассвет», каковой я укрепил до Отечественной войны, а потом пошел на Отечественную войну, то есть защищать свою Родину, служил старшиной роты и был четыре раза награжден, а также получил ранение, после чего вернулся обратно в колхоз «Рассвет» и вторично его укрепил, и служил на своей должности бессменно до настоящего времени; и я бы, товарищ директор, служил в этой должности и в будущем времени, если бы не гр. Сериков.

Товарищ директор! Гр. Серикова мы вызвали с вашего завода как монтера, дабы поставить присланный нам двигатель 125 сил, а отнюдь не для подрыва и дискредитирования. И я гр. Серикову предоставил все условия, как то: поставил его на квартиру к гр. Андросовой В. П., выписал продукты какие были, а также зарезал для питания телку, каковая была выбракована согласно акта. Но, товарищ директор, я не знаю, какой человек гр. Сериков, может быть, он и хороший работник, но за что он на меня взъелся? Первое разногласие у нас получилось из-за этой телки. Гр. Сериков стал на меня кричать: «Ты что переводишь молодняк скота, ты вредитель». Я ему говорю: «Это хорошо, гр. Сериков, что вы читаете в газетах про развитие животноводства, то общая директива — не резать телок, а у нас местные условия. И я отвечаю за свои действия». Но гр. Сериков не послушал, а написал прокурору, и приезжал к нам следователь. Но, товарищ директор! Это же пустые хлопоты и беспокойство людей. Я же двенадцать лет на руководящей работе. Что, я не знаю, как оформить телку? Она была оформлена правильно, с чем следователь и уехал.

А второе разногласие у нас получилось потому, что гр. Сериков Н. И. превысил свои функции, а именно: стал ходить по бригадам и другим отраслям и говорить: это плохо, это плохо, а делайте так и так... И стал противоречить планам, спущенным вышестоящими организациями, то есть стал подбивать людей, чтобы они требовали от правления всевозможных условий, как то: автопоение на МТФ, а также подача воды и других предметов. Когда же я сказал гр. Серикову, что нельзя подымать панику, а эти предметы будут представлены в надлежащее время, согласно плана, то Сериков заявил: «Что это у вас за зимние каникулы? Весь колхоз не работает, пропадает время». Я объяснил гр. Серикову, что он не в курсе сельского хозяйства, которое нельзя равнять с заводом, так как у нас производство сезонное. Но гр. Сериков ничего не хотел понимать, а самовольно с гр. Андросовым В. Ф. провели собрание в третьей бригаде и заставили людей записать в протокол насчет зимней работы, а именно строительства, которое по плану предусмотрено на летнее время. Но, товарищ директор! Я же не враг колхоза, и хотя Сериков превысил свои функции, я не стал противоречить, сказав: «Спасибо вам, товарищ Сериков, за вашу работу, то есть за проведение собрания». Но в это время к нам прибыл товарищ Тугин из Облисполкома, который не знал гр. Серикова и произвел самостоятельный осмотр хозяйства. И товарищ Тугин ничего не говорил насчет зимней работы, а только указал, что у нас не чищены коровы. Я признал это упущение, и мы по директиве товарища Тугина почистили коров, с чем товарищ Тугин хотел уезжать. Но тут явился гр. Сериков и нанес оскорбление товарищу Тугину, сказав ему: «Вы оппортунист». И получился спор, вследствие чего товарищ Тугин уехал, а гр. Сериков написал на него жалобу в Москву, хотя товарищ Тугин все время ездит по колхозам, и никаких замечаний от людей ему не было, потому что он входит в наше положение и понимает трудности текущего момента. А гр. Сериков ничего не признает, как будто он самый умный в нашей области.

Товарищ директор! Я бы не стал вам жаловаться на гр. Серикова, но у нас получилось основное разногласие на политической почве. Гр. Сериков в вечерние часы стал ходить по бригадам и по квартирам граждан и рассказывать про хорошие колхозы, в каковых он якобы по своей должности был. Я не противоречил этим беседам гр. Серикова, потому что и мы читаем людям газеты про хорошие колхозы и объясняем все политически, а именно, что нужно брать пример. И к нам приезжают штатные лекторы, которые проводят работу, не касаясь личностей, то есть чинно-благородно объясняют людям, как удобрять землю, а также как вести животноводство и прочее. Но гражданин Сериков под видом пропаганды проводил агитацию против правления и меня лично, говоря: «Вот как живут в хороших колхозах, а вы живете плохо, и все потому, что у вас неспособное правление и устарел председатель».

Но гр. Сериков! Я не против критики, но это же несправедливость в ваших словах! Что значит «живете плохо»? Разве это плохо, когда люди получили на трудодень по 1 870 гр зерновых культур и 2 320 гр картофеля и 86 коп. деньгами? Это достижение по сравнению с минувшими годами. И зачем расстраивать людей? Я, как руководитель, обязан объяснять людям, что мы живем сходственно, то есть обеспечены продуктами питания. Но гр. Сериков протестует и говорит: «Ты оппортунист и утешитель. Надо злить людей и дразнить их хорошей жизнью». Но разве это политические слова: «злить» и «дразнить»? Я против этого. Я двенадцать лет на руководящей работе и все время держу людей в хорошем настроении, то есть в спокойствии. А гр. Сериков своей агитацией поднял волнение, и к моменту 8 декабря люди стали кричать на собрании: «Назначайте делегацию смотреть хорошую жизнь и хорошего председателя». Я опять-таки не пошел на личные счеты, хотя вам, как руководителю, понятно, что мне обидно слушать такие слова. Я людям служил двенадцать лет и не жалел здоровья, а теперь гр. Сериков посылает их смотреть другого председателя в Кировскую область. К чему это? Может, он и хороший председатель по своей местности, но не в наших условиях. А мне и районные организации, хотя и давали выговоры, но не говорили, что я негодный. Но я, как честный человек, со всем этим не посчитался, а рассудил политически, то есть выдал людям деньги на дорогу, а именно делегатам Андросову В. Ф., Куреневой Е. П., Ноздрачову А. М. А гр. Серикова я тоже не оскорблял, а сказал ему: «Спасибо вам, товарищ Сериков, что вы научили людей поехать в Кировскую область».

И что же из этого получилось? Приехали эти люди, то есть делегаты, и стали вести агитацию, говоря: «Разве это председатель, наш Серега? Вот мы видели председателя, то — орел!» А когда я спросил, чем же он орел, то мне люди объясняют, что он выдает колхозникам по 12 рублей на трудодень. Я им говорю: может, там такие условия, что и я бы там был орлом и давал по 12 рублей, а у нас это пока недостижимо. Но люди кричат, что там, в Кировской области, условия якобы хуже, а все идет от председателя. И гр. Андросов В. Ф. сказал на открытом партсобрании: «Давайте мы Постникову вынесем благодарность за его службу и скинем его с должности. А попросим у области такого председателя, какого мы видели, чтобы он нас повел к дальнейшим успехам жизни». Но, товарищ директор, разве это где-нибудь допустимо, чтобы человеку давать благодарность и тут же его снимать? А люди этого не поняли и скинули меня, и теперь через гр. Серикова наш колхоз «Рассвет» остался без руководства, потому что люди расстроены и не хотят принимать местных председателей. Секретарь райкома тов. Соколов В. Я. привозил грамотного человека из подсобного хозяйства некто Андрюхина А. М., но люди его не приняли, говоря: «Нам не диплом нужен, а председатель, а Андрюхина мы знаем, он не соответствует». И позавчера было собрание — привозили к нам Агейченкова К. М., но люди сказали: «Что Агейченков, что Постников — один сорт, давайте другого». И собрание перенесено на неизвестный срок, а гр. Андросов В. Ф., как мой заместитель, ходит по хозяйству, говоря: «Этот наш Серега задержал нас на шесть лет, и нам тут нужно переделать вот это, вот это и это». А я, товарищ директор, за должностью не гонюсь, должность я получу другую, председателя сельсовета. Но только я обижаюсь, что пострадал безвинно, через гр. Серикова Н. И., и если вы его будете пускать по колхозам, то это местному руководству подрыв. А лучше вы его, товарищ директор, держите при себе...»

4

Директор — полный, бритый, праздничный — читал письмо вслух, усмехался, а обвиняемый Никанор Сериков расхаживал по кабинету.

Был полдень. На заводском дворе на катке играли хоккеисты. Сериков то и дело подходил к окну. Он был ярый болельщик, иногда сам играл, правда, чаще не играл, а скандалил с судьями и игроками, отстаивая давно отмененные правила. Выглядел он сейчас спокойно, видно, что письмо или было ему известно раньше или не очень его трогало.

— Значит, подрываешь? — спросил директор. — Подрываешь местное руководство, Никанор Иванович? С нами не ужился и людям покоя не даешь. Куда же теперь тебя?

Сериков помолчал, сбросил на ладонь пепел с папиросы, растер его в пальцах, спросил:

— А из Курской области не было письма?

— И оттуда ждешь благодарности? — поразился директор.

— Будет,— кивнул Сериков.

Директор задумался. Чувствовалось, что ему хочется остепенить неистового шеф-монтера, вторгшегося в чужой огород. Но и осторожность не позволяла сказать Серикову прямые слова: дескать, брось, Никанор Иванович, не лезь со своим уставом в чужой монастырь, не с твоим характером вести агитацию.

— В сложную историю впутываешься ты, Никанор Иванович,— сказал наконец директор.— Зачем это надо портить отношения с незнакомыми? Поставь двигатель, ну, я допускаю еще, помоги колхозникам в смысле механизации, а уж насчет их внутренних дел пусть сами разбираются, небось, учены.

— Учены! — с горечью перебил Сериков.— В том-то и дело, что учены. Еще к такому, какой не учен, приедешь — он глаза раскроет, начнет расспрашивать о хороших колхозах.

Copyrighted material

А вот к такому Сереге Постникову явишься, станешь ему толковать про хорошие и вполне применимые образцы, а он сам в курсе дела. В курсе действительно... Начитан! И библиотечку держит про хорошие колхозы... Библиотечку держит, а дело ведет по-своему.

— Все-таки жалобно он про себя пишет. Обидел ты его. А может, привирает? Жулик? Потому и сняли так дружно?

— Нет, не жулик,— возразил Сериков.— Честный, славный мужик, хоть и жалуется на меня. Славный. Я бы ему, черту, за его двенадцать трудных лет персональную пенсию назначил, как заслуженному учителю. Жаль, пока не назначают председателям денег за выслугу лет... Им бы, как литейщикам, еще и за высокую температуру полагалось: нет горячей должности, чем председатель.

Директор пожал плечами:

— Что-то я тебя не пойму, Никанор Иванович! «Славный»... «Честный»... И ты сам же свергнул его.

— Сам! — подтвердил Сериков.— Это он верно пишет: я ему подорвал авторитет, а медаль и пенсию я бы ему и сегодня назначил.

— А за что?

— Работник! Здоровье положил, правильно пишет. Но... утешитель.

— Утешитель? Это новое что-то...

— И я только недавно их встретил,— согласился Сериков.— Удивительная публика.

Он закурил, зачем-то осмотрел собственную ладонь. Ладонь была широкая, обкуренная, но чистая, без ссадин и мозолей. Сериков нахмурился, сжал кулак: не понравилась ладонь.

— Серега! — мягко сказал он, прищуривая глаз.— Его там до смерти, наверное, будут звать «Серега», ни разу не скажут Сергей Акимович... Мне женщины рассказывали, как он их еще в тридцать третьем году утешал. Слабовато было в их колхозе на первых порах. Но он и сам не горевал и людям наказывал: «Не горюйте, девоньки! Разве плохо у нас? Это еще сходственно... Вот я батрачил...» Припомнит, как он батрачил, лапти носил, разжалобит, потом шутку пустит: «Эх, мол, картошка — первая еда... Жареная, вареная, пече-еная... Пока есть картошка на свете,— нет перевода крестьянской породе». Вот так утешал. И после войны в первый год. Пригорюнятся женщины. Трудно. Разбито все. А тут еще засуха. Недостатки. А Серега не унывает: «Переживем! Это еще сходственно, девоньки. Хлебец есть? Картошка есть? Да это же первая еда!..» Молодец, честное слово! Люблю таких. Бодрил людей, поднимал им носы вверх, веселил.

— Нет, ты невозможен, Никанор Иванович, хвалишь и хвалишь этого Серегу, а сам против него подкоп вел.

— Так он же и сейчас такой! Время другое, а он ту же песню поет, про картошку: «Сходственно живем». Куда уж сходственнее — на двадцать третьем году колхозной жизни меньше рубля на трудодень дали. А газеты он как людям читает?! Агитатор! Зачтет статью о хорошем колхозе, люди вздохнут, загорюют, сравнят чужое хорошее со своей неудалостью, а он ну их утешать: «Не горюйте, девоньки, как-нибудь и мы доживем до такого... Да оно у нас и сейчас неплохо, сходственно: планы выполнили, хлебец, картошка есть... Что надо?» Такая агитация! Тут бы людей после этой читки в атаку поднять на недостатки-непорядки, а он им: «Как-нибудь доживем», «сходственно», «было хуже»... Проспал поворот движения. С такими еще в обороне жить можно, а для наступления не годятся.

— Но постой,— осторожно сказал директор.— Ты не много ли на себя берешь? Колхозные дела... Это же сложно! А ты не агроном. И потом у тебя своя задача.

— Какая задача?! — поморщился Сериков.— Двигатель поставить? Ну, двигатель я поставлю, а дальше? Глаза у меня есть? Душа есть? Вчера я, к примеру сказать, под Москвой был, колхозом любовался. А завтра меня под Воронеж мотнуло, и вижу, сидят люди на богатейшей земле, десятой доли возможного от нее не берут, а утешаются: «сходственно». Как не ввязаться?

— Но не в лесу же они... есть районная власть.

— А зрение? — сердито перебил Сериков.— Зрение-то у районной власти привыкло к ним, вот в чем вопрос. Вишь, он пишет, Серега: был у них Тугин, заметил, что коровы не чищены; грязь на коровах заметил, а того, что этих коров на весь колхоз тридцать штук, это в его глаза не бросилось. Привык к таким картинам...

Сериков задумался, видно, припоминая что-то, посветлел и сказал довольно:

— А здорово получилось у Сереги! Я, знаете, их куда адресовал, его земляков? В Кировскую область, тоже пришлось там двигатель ставить. Там председатель — генерал от колхозов! Такой мудрец! Как глянули на него лукояновцы, так сразу ихний Серега на этом фоне всю свою окраску потерял, вот и свергли, другого потребовали.

— Да ты же склочник! — засмеялся директор.— Эдак ты, Никанор Иванович, еще и наших, заводских, подобьешь съездить куда-нибудь на смотрины. Съездят, увидят хорошего директора, мне отставку дадут...

Но Сериков точно бы не слышал шутки, сказал, глядя в окно:

— Нет, там в Лукояновке только сейчас откроется война. Серега-то не ездил! И его, видите, председателем сельсовета ставят сердобольные души. А он только к одному и приучен: утешать людей, мирить их с недостатками... По его, выходит, что это вековечная задача руководителя — приучать людей трудности переживать.

Директор залюбовался Сериковым, а Никанор легко спрыгнул с окна, подтянул ремень, который, как обруч на ссохшейся бочке, сидел на его теле, заторопился.

— Куда сейчас? — спросил директор.

— На Кубань.

— Опять в колхозные дела ввяжешься?

— А как же? — удивился Сериков.— Они же меня один раз подвели, станичники. Наговорили про себя сорок сороков, расхвастались. Я по неопытности все это на карандаш — и везу под Москву кубанский опыт. Ну и отхлестали меня раменцы. В том колхозе, оказывается, на подзолах берут те же 120 пудов, что мои станичники на черноземе. Вот тебе и раз! Похвалился! Надо отквитаться...

Директор проводил Серикова до дверей, попросил его действовать тактичнее, не обходить районное руководство, а по возможности и вовсе не ввязываться во внутренние дела колхозов, помогать только советами. Сериков свел брови, кивнул и вышел.

— Да, держите его при себе! — усмехнулся директор, вновь переглядывая письмо.— Легко сказать...

Но тут в кабинет вошел председатель завкома, низенький, остроносый, плюхнулся в кресло, выдохнул:

— Замотали...

Директор подбросил ему серегино письмо:

— Вот тебе документ. Шефская деятельность.

Председатель завкома живо схватил письмо, развернул, прочел первые строчки, отшатнулся, закрыв глаза:

— Так я и знал... И там этот Сериков наломал дров: я же говорил, нельзя выпускать его за ворота...

Директор прищурился и сказал лукаво:

— А по-моему, Иван Артемьевич, ты другое говорил: выпроводить его надо, жизни он тебе тут не дает...

5

Шли месяцы. На заводе все узнали, как «укрощен» Никанор. Лукояновское письмо облетело цеха: кто корил настырного шефа, кто хвалил, разные были оценки. А Сериков, возвращаясь из поездок, выглядел с каждым разом все нетерпеливее, ершистее. Он подключил к своим делам дружков: заводские чертежники копировали ему эскизы корнерезок, крупорушек, автопоилок, комсомольцы переписывали песни для сельских ребят, библиотекарша подбирала в магазинах нужные книги. И говорил Никанор Иванович о деревне довольно свободно, употребляя даже такие слова, как «травосмесь», «десятиполье»...

В последний раз шли мы с Сериковым с завода июльским вечером. Жара спала, и дождь, сбрызнувший землю, ушел на юг. Длинная узкая тень шеф-монтера, вздрагивая, перескакивала через острые булыжники. Никанор шел с сундучком, готовый к поездке... Не так давно он начал отращивать усы. Росли они недружно, явно беспокоили начинающего усача, покалывали, и он то и дело потирал усы двумя пальцами.

— Ездишь, ездишь,— сурово говорил он, обращаясь к своей тени,— и возишь по деревням как будто хорошие, полезные людям примеры. А не всегда прививается... Хорошо, если еще такого Серегу собьешь с позиций. А если не собьешь? Так и уедешь ни с чем. Двигатель-то, положим, наладишь и еще кое-что приспособишь по своей части, оставишь по себе след. Ну, а главного-то не повернешь! Надаришь людям советов, они их запишут в протокол. Но ты же уедешь, а исполнять протокол Серега останется... И нет тебе потом покоя... Думаешь: остаться бы самому на серегином месте... А потом едешь в иное место — и там остаться хочется...

Тень замерла на минуту, прислушалась к камням, и я увидел в глазах Никанора Ивановича знакомый блеск. Бывало, когда еще Сериков служил слесарем и заходил на склад металла, у него так же разгорались глаза. Угадывалось в них озорное желание мастера: мгновенно переделать гору ржавых болванок в нарядные вещи. И понимал он, что не под силу одному такое дело, и, может быть, хотел, как это читалось в глазах, кликнуть дружкам: «А ну, навались, есть над чем развернуться!»

Тень скрылась, на солнце набежало облачко, и еще несколько капель дождя сорвалось с неба, видно, последних капель.

— С чего льет? — нахмурился Никанор.— Время уборочное, а он льет. В мае не лил, будь он семь раз неладен...

А недавно один знакомый рассказал, что завод выдвинул Серикова на деревенскую работу. Это не удивило. Так оно и должно было случиться.

— Но,— сказал знакомый,— вышло затруднение в районных организациях: кем послать шеф-монтера? Рядовым слесарем в МТС? Жаль! Специалист большой и организатор умный. Заведующим мастерскими МТС? Диплома нет у него инженерного. Заводские предложили рекомендовать его председателем в колхоз. Опять сомнение: не агроном...

Знакомый так и не узнал, чем кончились переговоры.

Copyrighted material

ПЕРЕМЕНА ЖИЗНИ

Вл. СОЛОУХИН

Иван Семенович Яковлев был коренной ленинградец. В Петербурге он родился, здесь с четырнадцати лет начались его мытарства в поисках заработка и хоть какого-нибудь ремесла. Когда ему было шестнадцать лет, устроился он на конку, и это определило весь его дальнейший жизненный путь. Больше Иван Семенович не расставался с работой, а если и приходилось расставаться на время, то разве затем, чтобы учиться. Так пять лет он жил в Москве, учился в Промакадемии.

Выросший на рабочих петербургских окраинах, Иван Семенович нес в себе все характерные черты революционного пролетариата и особенно чувство времени. В двадцать первом году Иван Яковлев, как и другие, организовал по зову Владимира Ильича Ленина бригаду для субботников. Четверо молодых рабочих в неурочное время полностью восстановили несколько моторных вагонов. Тогда он, слесарь Рождественского трамвайного парка, получил грамоту, где было написано: «В твоем лице республика чтит труженика, закладывающего фундамент коммунизма. Слава тебе и пролетарское спасибо». С тех пор прошло много времени. Уже трудно было бы и узнать того слесаря-юношу в пожилом, солидном человеке — директоре вагоноремонтного завода.

На Ленинград опускалась ранняя осенняя ночь. Иван Семенович шел по Среднему проспекту Васильевского острова, где был его завод, и жадно вдыхал первый легкий морозец. В черном городском небе зажглись первые звезды, вдали, очутившись между двух фонарей, белела половинка луны. Иван Семенович даже и не заметил ее сразу в бесчисленности городских огней, более ярких, чем луна. После совещания в накуренном кабинете дорога до квартиры на освежающем воздухе показалась короткой. Мало приходится на воздухе бывать Ивану Семеновичу. И он с радостью подумал о предстоящей завтра поездке.

Дело в том, что недавно завод взял шефство над колхозами Винницкого района, Ленинградской области. Для того, чтобы представить себе жизнь села, Иван Семенович решил побывать в колхозах сам.

Наутро жена Анна Георгиевна собирала Ивана Семеновича так, точно он отправлялся в далекое и опасное путешествие. Она приготовила в дорогу разных припасов, вплоть до бутылки выдержанного коньяку «на случай простуды».

В колхозе пробыл он два дня. Вернулся в Ленинград. Настроение было мрачное. На вопросы жены отвечал односложно, отговаривался усталостью. Ночью не спал, ворочался, мял подушку, иногда вместе с громким выдохом тянул многозначительно: да-а...

Придя на завод, Иван Семенович первым делом занялся шефскими делами.

— У нас подшефные колхозы есть,— сказал он.— Так вот нужно помочь им...

Рабочие собрали пятьсот книг и послали в колхозную библиотеку.

Дня два ходил Иван Семенович задумчивым. Анна Георгиевна, хорошо знавшая своего мужа, понимала, что в его душе происходит что-то важное, что не может не коснуться и ее. Понимала и заранее готовилась к этому. Вечером, выйдя из ванной и растирая только что побритое лицо махровым полотенцем, Иван Семенович сказал как бы между прочим:

— А ведь у меня с тобой, Нюра, серьезный разговор.

Анна Георгиевна собирала на стол. «Вот оно,— подумала,— начинается». Но спокойно ответила:

— Говори...

— Не поехать ли нам жить в деревню, а?

И так же спокойно, как будто знала, что именно об этом заговорит муж, Анна Георгиевна ответила:

— Поехать-то, Ваня, можно, только что ты делать в деревне будешь? Ведь там трамваи пока не ходят, а в сельском хозяйстве ты разбираешься слабо. Ведь ты горожанин, Ваня, ты привык к проспектам Ленинграда, к хорошей квартире, к разнообразному столу. Что ты будешь делать в деревне?

— Ну, насчет разных там комфортов это ты зря. Я не балованый человек. Раз нужно,— значит, нужно. Относительно полезности моей, так ведь я поеду в МТС. Это — тоже производство. Машины, станки — это производство, Нюра. Я постараюсь внести туда нашу рабочую заводскую дисциплину, порядок, культуру труда. В этом и будет заключаться моя полезность.

Иван Семенович взволнованно прошелся по комнате.

— Нет, я ничего не говорю. Если ты годишься для работы в деревне, что же, поедем.

Наутро Иван Семенович повторил свой вопрос:

— Ну как, жена, не раздумала за ночь-то, поедем, что ли, вольным воздухом дышать, а?

— Когда поедем-то? Собираться стала бы... Только ты хоть местечко покрасивей попроси. Добровольно идешь, имеешь право.— И уже более сердечно: — Правда, Ваня, это единственная моя просьба к тебе. Ты-то, конечно, работать будешь, а я?..

— Ладно, учту.

Это были дни, когда по зову партии лучшие специалисты пошли из города в колхозы и МТС. На первой странице «Правды» изо дня в день печатались групповые портреты пионеров этого замечательного, жизненно важного для страны движения.

И все же в райкоме партии несколько удивились, когда Иван Семенович Яковлев, директор вагоноремонтного завода № 2, попросил направить его в МТС. Конечно, ничего особенного не было в том, что он покидал все удобства жизни в большом городе: коммунист всегда там, где труднее. Просто этого никто не ожидал. Потом прощание с заводом; речи, в которых за привычкой суховато говорить на собраниях сквозили человеческая теплота, настоящее чувство; напутствия жены: «Скорее осматривайся да и за мной приезжай...» Потом Новгород — «Господин Великий Новгород» — с его суровым Кремлем и общим впечатлением одной сплошной стройки, ибо город заново поднимается после войны. Дальше и дальше, вглубь земли русской. На реке Мсте городок Боровичи, где высокие заводские трубы мирно уживаются с тихими переулочками, занесенными снегом; тропинки только у домов, а так — ровный снег.

В Боровичах Иван Семенович пришел в райком партии, и вот уже больше часа секретарь райкома Герасим Сергеевич Иванов рассказывает ему о делах района, о положении в сельском хозяйстве, о Спасской МТС, где Ивану Семеновичу предстоит работать.

— Места там знаменитые, село Кончанское километрах в десяти: великий Суворов там жил. Но это все история, а вот сегодня похвастаться нечем. Места там красивые: МТС на берегу великолепного озера стоит, по берегам лес, на островах малины много, в озере всевозможной рыбы прорва, особенно ершей. Но эта красота от нас с вами не зависит. А вот если на скотный двор в каком-либо колхозе заглянуть, там красивого мало. Директор, которого вы сменять будете, Алексей Андреевич Соловьев, работал честно, но человек он без образования, без производственной жилки, потому и не тянет.— Секретарь райкома достал какие-то ведомости, испещренные цифрами.— Ведь вот смотрите, что получается...

Когда у подъезда райкома Иван Семенович садился в эмтээсовский «газик» и когда все три секретаря райкома пожали ему руку, на душе у него не было так спокойно, как в Ленинграде или Новгороде. Новое, что должно было войти в его жизнь и перевернуть ее, новое, которое Иван Семенович должен был принести, в свою очередь, в МТС, приблизилось и было теперь не в отвлеченности.

Copyrighted material

Навстречу справа и слева текла заснеженная холмистая земля, кое-где поросшая лесом. Выехали на высокий холм, и оттуда открылись все дали. Леса казались как бы заштрихованными тушью по белому полю зимы.

— Из вашего хозяйства,— сказала шофер, молодая женщина в аккуратной стеганке.

Тарахтя и рыча, навстречу ехал гусеничный трактор. Ивану Семеновичу стало как-то непривычно. Первая ласточка из того нового мира. Куда двигался трактор, зачем, Иван Семенович не знал, а спросить постеснялся.

Водителя машины звали, как оказалось, Ириной Ивановной. Постепенно Иван Семенович разговорился с ней.

— А это тоже из моего хозяйства? — показал он на какую-то машину, не то сеялку, не то культиватор, одиноко лежавшую на поле и занесенную снегом.

— Тоже,— недовольно обронила Ирина Ивановна.

— Чего же директор-то смотрит? И много таких машин на поле валяется?

— Они не валяются, а стоят. А что директору делать? Ну привезет их на усадьбу, там будут под снегом стоять. Помещений-то нет.

— Нужно строить помещения. Машины надо вместе держать, накрыть чем-нибудь.

— Если их четыреста машин, подите накройте...

— А вы, Ирина Ивановна, что-то уж очень заступаетесь за старого директора. Жалеете, что уходит? Привыкли к нему?

— Как не привыкнуть-то, если он муж мне. На первых порах вам у нас и жить придется.

Яковлев смутился.

Машина лихо вскочила на холм и подъехала к двухэтажному дому, окруженному крупными красивыми березами.

Выйдя из машины и поставив около себя чемодан, Иван Семенович осмотрелся. Усадьба была расположена на бугре. Отсюда открывался вид с одной стороны на озеро, теперь занесенное снегом и только где-то на середине рябившее серыми волнами, а с другой стороны — на леса. Из конторы выбежало несколько девушек посмотреть нового начальника.

Под любопытными взглядами многих людей Иван Семенович протискался меж столов и очутился в маленьком, до духоты натопленном кабинете директора. Ему навстречу поднялся молодой еще человек в гимнастерке синего цвета — директор МТС Соловьев.

Несколько дней подряд работала комиссия по передаче МТС со всем ее хозяйством из одних рук в другие. Поднимались архивы, старые ведомости, списки, приказы. На основании всего этого составлялся развернутый и обстоятельный акт. Иван Семенович первым делом решил ознакомиться с ближайшими артелями. Несколько дней провел он в колхозах, перескакивая из одного в другой все на том же «газике». Потом в сопровождении Соловьева и секретаря партийной организации Василия Максимовича Михайлова ходил он по усадьбе, заглядывал в общежития рабочих, в мастерские. И хотя официально дела еще Иван Семенович не принял, кое-какие вопросы нужно было решать с первых же шагов. Так, придя в ремонтные мастерские, Яковлев заметил, что кузнец Павел Иванов что-то не совсем твердо стоит на ногах. Пришлось отстранить от работы и попросить зайти в контору.

На дороге встретился трактор, тянувший огромные сани с дровами. Даже неопытному глазу было видно, что на такие сани и для такого тягача дров можно нагрузить раза в три больше. Дрова завозились по распоряжению Ивана Семеновича, и он остановил трактор. Из кабины высунулся измазанный тракторист.

— Вы знаете, зачем дрова? — спросил у него директор.

Тракторист, конечно, знал, что дрова для общежития МТС, но притворился:

— А нам что, сказано везти, вот и везу. А что мало нагрузил, так ведь больше не потянет по этим дорогам.

— А разве я сказал, что мало? — обернулся Иван Семенович к парторгу. Тракторист покраснел.

Иван Семенович пришел в общежитие. У себя, в Ленинграде, он не мог и представить, что там, где живут люди, может быть такой беспорядок. В этот же день все рабочие были расселены по ближайшим деревням, а в общежитии начался ремонт. Прибежал главный инженер Гейнт и возмущенно развел руками.

— Иван Семенович, я так больше работать не могу! Будете в Новгороде, похлопочите или докладную напишите.

— В чем дело?

— Сторож нужен для техники. Сегодня ночью пробку от радиатора стащили. Ведь у нас здесь дорóга.

— При чем же Новгород? Сегодня поставьте сторожа. Завтра мне доложите.

И главный инженер, привыкший к докладным, которые лежат по два месяца, обескураженно пробормотал:

— Есть!

Люди почувствовали, что достаточно было нескольких энергичных распоряжений, и в МТС начала изменяться обстановка. Твердая директорская рука с первых же дней вселила в людей уверенность в успехе, словно бы исчезла у людей походочка вразвалочку, словно бы оживленнее стали лица.

Вскоре состоялось собрание, на котором в присутствии актива МТС старый директор передавал дела.

— Недавно я побывал в колхозах,— начал Иван Семенович.— Приходим мы на скотный двор,— темно. Спрашиваем у доярки: «Где у вас свет включается?»,— а доярка не знает. «Сколько работаете?» — спрашиваем. «Три года». Поискали, поискали, нашли на столбе выключатель. Засветились под крышей лампочки, на них пыли да паутины за несколько лет накопилось столько, что и светлее не стало. Но дело не только в этом. А и в том вот, что доярка не знает, где у ней свет включается,— это совсем плохо. Это происходит потому, что по темну она к своей скотине не ходит, корм дает один раз в сутки, пока светло. Зашли мы в свинарник уже в другом колхозе. Стоят шесть супоросных маток, и стоят эти матки по брюхо в навозе, пороситься им нельзя, потому что поросята утонут. Приходим мы на склад семенной картошки, а ту картошку хоть ведром черпай, она уже жидкая, гниет. Это факты, товарищи, а вот вам цифры: обеспеченность кормами не достигает и тридцати процентов, средний удой молока на корову чуть больше пятисот литров, семян засыпано половина, да и те низкой всхожести.

Вы спросите, к чему я это говорю? Вы хотите, чтобы я говорил о наших машинах и их ремонте? Но дело не только в этом. Чем была МТС до сих пор? Она была чем-то вроде прокатной организации: даем колхозу трактор, получаем от него натуроплату. А как в колхозе дела, нас это не касается. Отныне наша МТС, как и все МТС страны, становится боевым штабом. Отныне на нас с вами ложится прямая ответственность за плохой скотный двор, за грязь в нем, за низкий удой молока, за низкий урожай льна или хлеба. Для этого мы прежде всего должны перестроиться сами.

Вы были сезонниками, вы приходили в МТС летом и уходили зимой. Некоторые из вас оставались на зиму, на ремонт. На днях вы получили трудовые книжки и являетесь теперь постоянными, штатными работниками МТС. На днях, товарищи, в вашей жизни произошло событие огромной важности: вы фактически перешли из одного класса в другой. Вы были крестьянами, а теперь вы рабочий класс. Это ко многому обязывает. Наш коллектив должна пронизать железная, пролетарская дисциплина,— без этого мы далеко не уйдем. Главный инженер рассказывает нам поразительные вещи: один тракторист взял да и проделал в кабине трактора дыру, а то ему, видите ли, неудобно банку с горючим держать. Другой бросил трактор в поле, а теперь у трактора не хватает многих важных частей. Трудно представить, чтобы рабочий со своим станком поступал так же. Какие же меры принял главный инженер? Он, видите ли, подавал докладные в Новгород. Городскую рабочую культуру труда вы будете приобретать постепенно. Но уже сейчас нужно менять стиль работы. Про грязного тракториста ходят анекдоты, а ведь профессия ваша не так уж грязна. У меня на заводе, например, работает девушка, которая залезает под вагон и, лежа на спине, из пульверизатора опрыскивает отдельные части черным лаком. Вы представляете, на кого она бывает похожа! Однако вечером девушка идет в Кировский театр слушать оперу, и на ней белое хорошее платье. Я слышал даже, что грязь у отдельных трактористов является как бы профессиональной гордостью. Нашли чем гордиться!

Главные направления в нашей работе — улучшить бытовые условия работников МТС, ускорить подготовку скотных дворов и производственных помещений, рационально использовать корма, чтобы хватило на зиму, а также улучшить, пополнить и сохранить семенной фонд. А в ближайшие три дня мы должны все наши машины, занесенные снегом на полях, стянуть на усадьбу МТС. И это прошу рассматривать как приказ...

На другой день проглянуло солнце. Иван Семенович вышел из дому и увидел все вокруг не таким, каким видел до сих пор: и березы, и озеро, и дорога — все было иное, словно бы праздничное. По дороге трактор тянул дрова. Тракторист Николай Семенов (теперь директор знал его имя) сам высунулся из кабины.

— А ведь двенадцать кубов вместо пяти-то нагрузил, и ничего! — весело крикнул он.

— А как же, вроде бы не тянул трактор по этой дороге?

— А я и дорогу другую нашел. Так сказать, инициатива...

Придя в контору, Иван Семенович первым делом позвал к себе главного инженера и секретаря партийной организации.

— Хочу покинуть вас деньков на пять. Пока с головой в дела не ушел, нужно жену перевезти. Так-то оно прочнее будет. А то все как бы временно да в гостях.— И, помолчав, добавил: — А тут нужно всерьез, полностью.

На другой день Иван Семенович осматривал усадьбу. На снимке — секретарь партийной организации Василий Максимович Михайлов и Иван Семенович Яковлев.

Copyrighted material

МЕХАНИЗАТОРЫ КОЛХОЗНЫХ ПОЛЕЙ

В зале заседаний.

Четыре дня в Большом зале Кремлевского дворца проходило Всесоюзное совещание работников машинно-тракторных станций, созванное ЦК КПСС и Советом Министров СССР.

Слушая на совещании тракториста, не всегда определишь его профессию. Механизаторы колхозных полей со знанием дела говорят о повышении плодородия почв, об освоении травопольных севооборотов, о продуктивности животноводства. Когда же на трибуну поднимались председатели колхозов, чувствовалось, что в машинах и механизмах они разбираются не хуже любого механика. Работники МТС считали своим долгом отчитаться об урожае, снятом с полей, обработанных их тракторами, а председатели колхозов вникали в мельчайшие подробности труда трактористов. Одна из участниц совещания, уважаемая всеми Прасковья Никитична Ангелина, назвала это взаимным творческим трудом, равной заинтересованностью механизаторов и колхозников в получении высоких урожаев.

В Кремль съехались со всех концов страны 700 директоров МТС, 180 главных инженеров, 155 агрономов, 129 зоотехников, 107 заведующих мастерскими и механиков, 108 трактористов, бригадиров тракторных бригад, комбайнеров, 125 председателей колхозов. Тут были партийные, советские и комсомольские работники, ученые. За всеми этими людьми встает двухмиллионная армия тружеников МТС и сельскохозяйственных органов.

Жизнь большинства этих людей протекает на полях, за рычагами тракторов, за штурвалами комбайнов, на фермах, в мастерских МТС. Но, пожалуй, редко встретишь горожанина, который бы не слышал о той же Ангелиной или Иване Шацком, Александре Гиталове, Семене Пятнице и о многих других. Но вот рядом с Семеном Пятницей мы видим совсем молодого человека, по внешности чем-то напоминающего знаменитого хлебороба-механизатора Кулундинской степи. Так то ведь сын его — Петр Семенович Пятница! Мальчуганом бегал Петр по степи за трактором, затем упрашивал пустить его на мостик комбайна. А теперь Петр — директор Ворошиловской МТС там же, на Алтае. Вот и начало новой династии — династии механизаторов.

Впрочем, на совещании можно было встретить специалистов более позднего поколения, тех, кто пришел в МТС по призыву партии после сентябрьского Пленума ЦК КПСС.

Много нового нарождается в наши дни на селе. Участники совещания — люди большой практики — делились опытом, говорили о том, как внедряют в производство передовое, прогрессивное — все, что способствует росту урожайности, увеличению поголовья скота и повышению его продуктивности. Выступали председатели колхозов, сумевшие за короткий срок поднять хозяйство, повысить материальное благосостояние колхозников. Резко критиковали недостатки, мешающие нашему движению вперед. Говорили о нерадивых руководителях МТС, относящихся к работе, как подрядчики, не помогающих организационно-хозяйственному укреплению колхозов.

Участники совещания приняли Обращение, в котором призывают всех рабочих, специалистов и служащих машинно-тракторных станций Советского Союза включиться в социалистическое соревнование, отдать все силы, опыт, знания великому делу подъема нашего сельского хозяйства, создания обилия продовольствия в нашей стране.

В заключение совещания с большой речью выступил первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев, встреченный бурными аплодисментами.

В дни совещания (слева направо): министр сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктов, председатель колхоза «12-й Октябрь», Костромской области, П. А. Малинина, Маршал Советского Союза С. М. Буденный, председатель колхоза имени Хрущева, Черкасской области, УССР, Г. Е. Буркацкая, бригадир тракторной бригады П. Н. Ангелина.

Фото А. Гостева.

ghted material

Студенты — гости Москвы

Увидеть Москву... Пройти по ее улицам, постоять у стен древнего Кремля, спуститься в сверкающие подземные дворцы, на скоростном лифте подняться на верхний этаж грандиозного Дворца науки и с этой высоты окинуть взглядом величественную панораму красавицы-столицы — кто из них не мечтал об этом!

Шесть тысяч студентов Украины и Грузии, Прибалтики и Молдавии, Ленинграда и Саратова, Ростова-на-Дону и Свердловска и других городов нашей страны гостили во время зимних каникул в Москве. Гости увидели то, что им было давно знакомо по фотографиям и кинокадрам, о чем они читали в газетах, журналах, книгах.

Около двухсот студентов Ленинградского технологического института имени Ленсовета приехало в Москву по приглашению Московского химико-технологического института имени Менделеева. В то время как ленинградцы ступили на перрон Ленинградского вокзала в Москве, двести москвичей-менделеевцев прибыли на Московский вокзал в Ленинграде.

К 25 января общежитие менделеевцев было готово к встрече гостей. С 1951 года это общежитие среди студенческих считается лучшим в стране, и переходящее знамя из года в год остается во Всехсвятском студенческом городке. Но на этот раз хозяева особенно старались.

Многие ленинградцы посетили столицу впервые, — им хотелось все посмотреть. И москвичи позаботились, чтобы гости после напряженной экзаменационной сессии отдыхали «с полной нагрузкой». Их ждали билеты в театры, концертные залы, музеи. Студенты обоих институтов состязались в играх по русскому хоккею, баскетболу, волейболу, настольному теннису, в беге на лыжах и коньках.

Десятки красно-желтых автобусов с табличкой «Заказной» можно было видеть в эти дни на московских улицах и площадях: на площади Свердлова и улице Горького, перед памятником Пушкину и высотными домами, на набережной Москвы-реки и Ленинских горах. Студенты разных городов посетили Музей В. И. Ленина, Третьяковскую галерею, Музей Революции. Лучшие театры столицы — Большой, Малый, МХАТ — дали для студентов специальные спектакли. Были организованы творческие встречи с писателями, учеными, композиторами, работниками кино. На всю жизнь запомнятся студенческие вечера в Большом Кремлевском дворце.

Гости показали москвичам свое искусство. В концертах художественной самодеятельности приняли участие симфонический и эстрадный оркестры Львовского политехнического института, хор и хореографический ансамбль ленинградцев, Ансамбль народного танца студентов Грузии. Драматический коллектив Ленинградского электротехнического института (ЛЭТИ) показал свой спектакль «Весна в ЛЭТИ».

Возвратясь домой, студенты будут долго хранить теплые воспоминания о гостеприимной столице.

В. МАТВЕЕВ

Ленинградские и московские студенты в общежитии Всехсвятского студгородка.

Беседа о Конституции СССР в вагоне-клубе.

Фото Н. Ананьева.

Следуем в Яблоновку...

Заозерье — небольшая промежуточная станция Октябрьской магистрали. Курьерские поезда мчатся мимо, не снижая скорости, почтовые — стоят одну минуту. Уйдет пассажирский, промелькнет скорый, прогромыхает товарный — и на станции Заозерье опять тихо и безлюдно. Но вот в селекторе послышался голос диспетчера:

— С 71-м поездом со станции Красненка следует дорожный вагон-клуб № 200.

Эту новость быстро узнают местные жители. Маленькая станция оживает. К запасному пути, на котором находится клуб, тянутся люди. Еще нет и семи вечера, а читальный зал полон. Пришли дежурные по станции, путевые рабочие, колхозники артели «Путь Сталина». Вот в вагон веселой гурьбой входят девушки. Это работницы подсобного хозяйства Окуловского бумажного комбината, расположенного в нескольких километрах от станции.

— Здравствуйте, Николай Иванович. С приездом вас,— приветствуют они заведующего клубом Н. И. Злотаря.

Свыше 20 лет совершает он поездки с вагоном-клубом по Октябрьской магистрали. Вагон этот останавливается на всех маленьких станциях. Н. И. Злотарь не забывает просьб рабочих: привозит им новые книги, журналы, проводит беседы в путевых будках, на перегонах между станциями.

Нынешний рейс посвящен предстоящим выборам в Верховный Совет СССР. Вагон-клуб превращен в агитпункт на колесах. На стенах читального зала — плакаты, лозунги. Тут же размещена фотовыставка, рассказывающая о дружбе народов нашей страны. Политотдел дороги выделил лекторов, докладчиков. Еще до наступления вечера работники клуба побывали в путевых будках, рассказали рабочим о предстоящих выборах.

...На рассвете клуб выводят с запасного пути на главный. Николай Иванович Злотарь идет к дежурному по станции и передает по селектору:

— Следуем в Яблоновку...

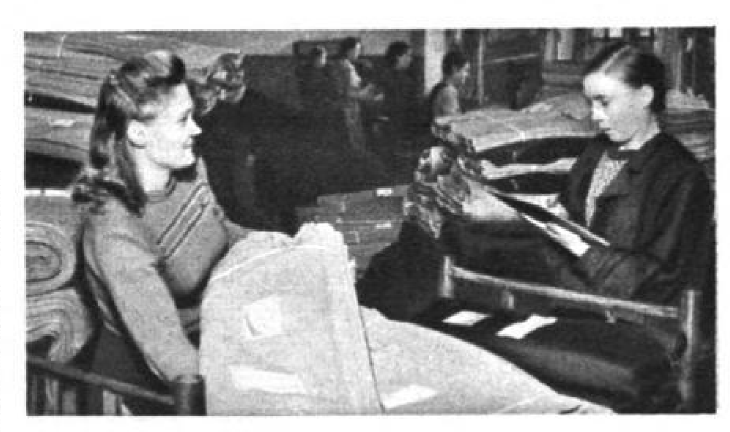
К. ЧЕРЕВКОВ

Сделано в Канске

Пять суток идет поезд Москва — Владивосток до станции Канск-Енисейский. Это половина пути от столицы нашей Родины до берегов Тихого океана.

Канск — крупный индустриальный город Красноярского края, центр легкой и пищевой промышленности Восточной Сибири. Фабричную марку предприятий Канска можно встретить на изделиях, идущих во все концы страны.

На огромном пространстве по берегу реки Кан раскинулись просторные, светлые корпуса прядильной, ткацкой, отделочной фабрик хлопчатобумажного комбината. В канун 1954 года вступила в строй вторая его очередь. Цехи оснащены новейшими станками отечественного производства. Рядом, в живописном сосновом бору, вырос благоустроенный город сибирских ткачей. Все здесь ново, даже названия улиц — «Волгодонская», «Цимлянская».

На текстильном комбинате. Браковщица Наталья Осипок (слева) и сортировщица Ольга Астахова просматривают готовую продукцию.

Фото П. Макарова.

Подавляющее большинство работниц комбината — девушки-сибирячки, пришедшие из Приангарской и Саянской тайги.

Первые метры тканей комбинат дал семь лет назад. Тогда они были окрашены в один тусклый цвет. Сейчас здесь производят сатины многих расцветок, диагональ, бязь, белоснежное полотно.

— Наши ткани,— говорит сортировщица Ольга Астахова,— отправляются в Среднюю Азию, на Украину, Урал, Дальний Восток. Их охотно раскупают строители Комсомольска-на-Амуре, металлурги Сталинска, шахтеры Кузбасса, рыбаки Енисейского севера, охотники Таймыра и оленеводы Ямала...

Хлопчатобумажный комбинат — не единственное крупное предприятие в Канске. Здесь есть молочно-консервный завод. Два года назад 100 тысяч банок канских молочных консервов было послано населению Индии, пострадавшему от наводнения.

В недалеком будущем здесь начнется строительство первого в Сибири камвольного комбината.

А. ШЕВЕЛЕВ

Через 60 лет...

Шестьдесят лет назад при чайной в селе Голта, Херсонской губернии, было создано нечто похожее на библиотеку с фондом в несколько десятков книг.

После ликвидации чайной эти книги кто-то бережно сохранил. А позже группа местной интеллигенции организовала «Общество благоустройства села Голта» и, с трудом собрав небольшие средства, открыла библиотеку. Она ютилась в двух небольших комнатах и насчитывала тысячу с лишним томов. Штат ее состоял из одного библиотекаря.

Прошло много лет. Голта, Богополь и Ольвиополь объединены в город Первомайск, Одесской области.

В лучшем, новом здании города — Доме Советов — обширное место занимает городская библиотека, ниже этажом расположена читальня. На стеллажах более пятидесяти тысяч книг.

Городской библиотекой в Первомайске заведует Екатерина Ильинична Непомнящая. Она была тем самым молодым библиотекарем, который в единственном лице представлял весь штат дооктябрьской «Народной библиотеки-читальни» села Голта.

Среди библиотечных работников Первомайска много воспитанников Екатерины Ильиничны. Начав свою благородную деятельность в трудное время, она продолжает ее поныне.

М. ПОЛЯНОВСКИЙ

Copyrighted material

ПОДАРОК ДРУЗЕЙ. Ужгородский государственный университет получил от Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова приборы и оборудование для физико-математического факультета. Студенты (слева направо) Александр Парлаг, Ольга Кевер, Тереза Мудрак и лаборант Б. И. Гегелюш распаковывают ящики с оборудованием.

Фото И. Тункеля.

Copyrighted material

Зимним утром в Подмосковье.

Фото Ф. Сильченко.

На охоту.

«Мы приехали торговать...»

Представители английских фирм в Москве

В третий раз в Москву приезжает лорд Верулем — представитель известной английской фирмы «Энфайлд Кэйблс Лимитед».

Он прибыл в Советский Союз с группой деловых людей Англии, которую возглавляет господин Джеймс Б. Скотт — директор фирмы «Кромптон Паркинсон». Цель этого визита — развить и закрепить торговые отношения между рядом крупных английских фирм и советскими торговыми организациями.

Приезд английских коммерсантов в Советский Союз и успешное начало торговых переговоров — еще одно наглядное доказательство того, что в экономических отношениях между разными странами жизнь, несмотря ни на что, пробивает себе дорогу.

— Англия не может жить без широкой внешней торговли,— сказал господин Френсис Шродер.— Поэтому мы в Москве.

Лорд Верулем на улицах Москвы.

Лорд Верулем рассказывает, что впервые он посетил Советский Союз в 1932 году. Тогда он был студентом, и это было его первое путешествие. Не без интереса лорд Верулем сравнивает то, что он видит сейчас, с тем, что видел во время давней поездки. Автобус медленно везет нас по московским улицам. Делегация английских коммерсантов знакомится с советской столицей. На Садовой гости выходят, чтобы получше осмотреть строящееся на площади Восстания новое высотное здание. Англичане вглядываются в лица прохожих. Лорд Верулем говорит медленно и задумчиво:

— Я мог бы, конечно, говорить о переменах... Но нет! Это нечто большее. Я поражен прогрессом, который достигнут здесь во всех областях жизни...

Он говорит о том, что люди лучше одеты, чем раньше. Но дело не только в этом. Советские люди выглядят так, что можно с уверенностью сказать: дела у них идут хорошо...

По дороге на Ленинские горы некоторые из английских гостей надевают шерстяные шлемы — московские морозы дают себя знать. Но никто и слышать не хочет о прекращении путешествия по Москве.

На вопрос о том, как прошли первые деловые встречи, лорд Верулем живо и с явным удовольствием отвечает:

— Они не могли бы быть более дружественными.

А. Ф. Джинс, невысокий, полный и веселый человек, представляющий крупную английскую фирму «Маллард», говорит:

— Мы очень счастливы, что имеем возможность говорить с советскими людьми и видеть их в повседневной обстановке, фотографировать уличные сцены и самые различные места Москвы, которые потом напомнят нам об этом визите.

После того как гости побывали на Ленинских горах, где они любовались видом Москвы и где непрерывно щелкали затворы их фотоаппаратов, наша беседа продолжалась снова в автобусе, потом в московских магазинах, которые осматривали англичане, и, наконец, в гостинице.

Через час после приезда в Москву мистер Джинс соединился по телефону со своей лондонской квартирой. Ему, видимо, приятно вспомнить разговор с супругой: что ни говорите, а Англия, оказывается, гораздо ближе к Советскому Союзу, чем кое-кто думает.

Френсис Шродер, о котором мы уже упомянули,— инженер по профессии и деловой человек по призванию. Он полагает, что его объективное мнение о Москве и москвичах, наверное, будет интересно узнать советским людям. И он говорит о выводе, который сделал после первых трех дней пребывания в Москве:

— Москва — город большой энергии, и это мне нравится.

Френсис Шродер много путешествует — он объехал почти всю Европу, был на Востоке, в Индии. О цели своего приезда в Москву он говорит коротко:

— Я приехал сюда, чтобы торговать.

Воскресенье, как и другие дни, у английских гостей расписано по часам, однако они находят время, чтобы еще раз осмотреть московские магазины.

— Товаров, несомненно, больше, чем когда-либо раньше,— говорит лорд Верулем,— и они лучшего качества. Исключение, может быть, представляет текстиль, отделка которого оставляет желать лучшего.

— Московские магазины — приятное зрелище,— замечает А. Ф. Джинс.— Все москвичи, с которыми мы встречались, выглядят очень веселыми и очень занятыми. Ходишь по улицам и ощущаешь дружелюбие и внимание. Я очень жалею, что не говорю по-русски...

Господин Эрнст Гейфорд, представитель другой крупной фирмы, побывал в ГУМе, Центральном универмаге и других торговых заведениях. Он обращает внимание на то, что магазины полны людей.

— У каждого прилавка покупатели стоят в один — два ряда,— говорит он.— Это — лучшее свидетельство высокой покупательной способности советских людей.

В Англии Шродер немало читал о Советском Союзе.

— Но что все это значит по сравнению с тем,— говорит он,— что я вижу своими глазами! Увидеть — значит поверить!

А. Ф. Джинс высказывает пожелание, чтобы возможно больше людей приезжало из Англии в Советский Союз и из Советского Союза в Англию. В том числе и деловых людей! Это принесет только пользу обеим странам.

Группа представителей английских фирм перед поездкой по Москве.

Так наша беседа снова переходит к главной теме — о взаимно выгодной торговле, которая, собственно, и привела представителей английских фирм в Москву.

По словам гостей, их группа делится на две части: одни приехали в Москву, чтобы продавать, другие — чтобы покупать. Многие из них уже давно связаны деловыми отношениями с советскими торговыми организациями; другие только что закончили свои поставки и приехали договориться о новых; цель третьих — завязать деловой контакт.

— Все мы,— говорит господин Макрости,— приехали с хорошими надеждами. И хотя мы провели здесь пока меньше недели, можно сказать, что наши деловые переговоры проходят в атмосфере дружбы и глубокого доверия друг к другу.

Господин Макрости — доверенное лицо фирмы «Джонсон и Филиппс», британской компании, которая специализировалась на изготовлении электрического оборудования и кабелей. Эта фирма, как гласит ее проспект, была основана на скромных началах в 1875 году и сейчас имеет заводы в Великобритании, в Южной Африке, Пакистане и Австралии, на которых занято около четырех тысяч человек. Сообщив эти короткие данные о своей фирме, господин Макрости отмечает, что «никто из нас не имеет в Москве каких-либо затруднений».

— Наоборот,— подхватывает мистер Джинс,— все идет очень гладко. Все, с кем нам приходилось встречаться, стремятся к благоприятному разрешению вопросов, связанных с торговлей. Мистер Макрости сказал, что переговоры проходят в атмосфере дружбы и доверия, а я хочу добавить: они проходят как нельзя лучше.

По мнению английских гостей, в частности, господина Френсиса Шродера, частная делегация, по собственной инициативе приехавшая в Москву, может оказать определенное влияние на развитие торговых отношений между Англией и Советским Союзом и, несомненно, произведет серьезное впечатление на многих деловых людей.

Представители английских торговых фирм очень оживленно обсуждают между собой вопрос о «русской манере торговать». Каждая страна, говорят они, имеет свои традиции в торговле. Англия — старая торговая страна, и ее деловые люди умеют ценить, как они выражаются, «хорошего партнера».

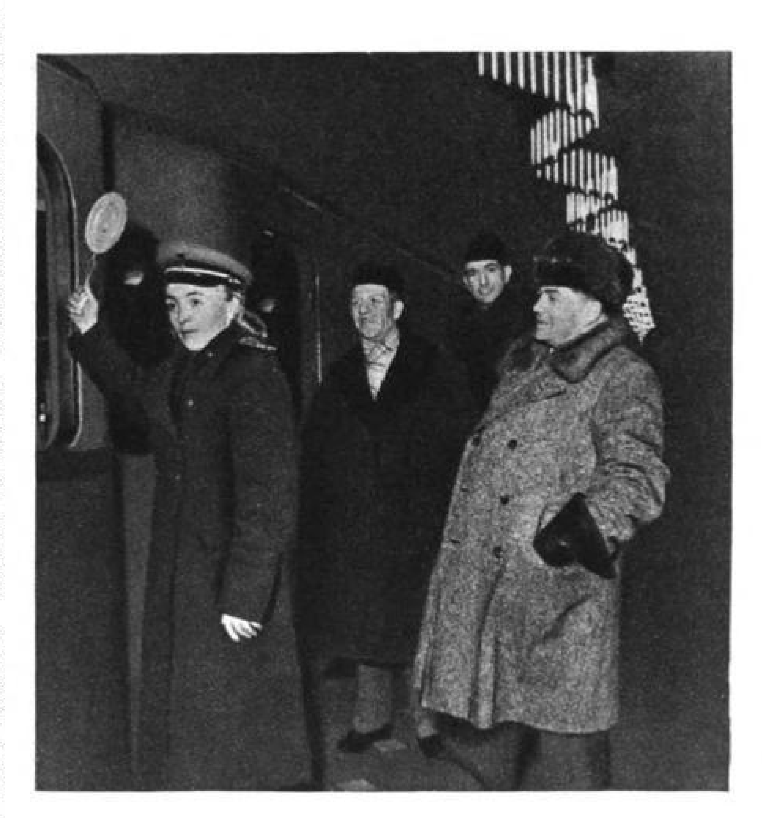
— Советские представители, с которыми мы вели переговоры,— вступает в беседу Макрости,— хорошо знают свое дело. Они знают, что покупают и что предлагают нам. Это очень приятно.

А. Ф. Джинс, А. Н. Джексон и Д. С. Баруэлл, как и другие представители английских фирм, согласны со своим коллегой. Фирма мистера Джинса, как уже сказано, не впервые имеет деловые отношения с советскими торговыми организациями. Господин Джинс подчеркивает:

— Советский Союз всегда самым аккуратным образом выполняет свои обязательства. Слово советских представителей — это всегда твердое и солидное слово. В лице советских торговых организаций мы имеем, если говорить на нашем торговом языке, партнера первого класса.

Английские гости еще раз повторяют, что они полны добрых надежд и хорошо чувствуют себя в Москве.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

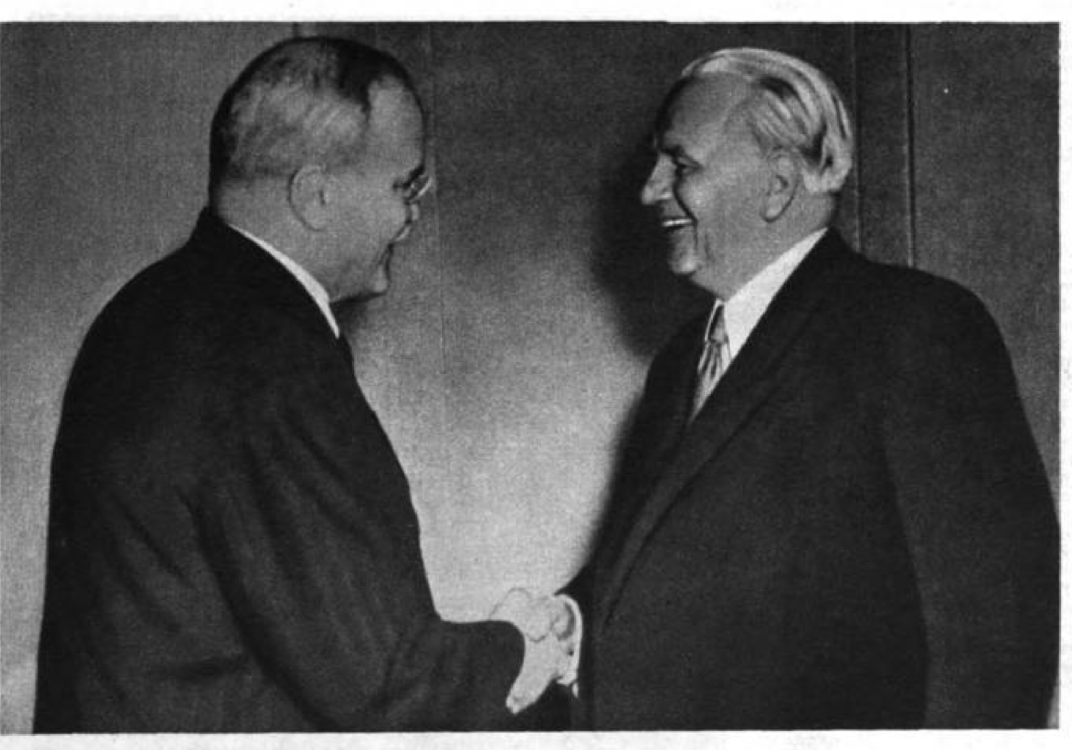

В московском метро.

Фото Е. Умнова.

Copyrighted material

БЕРЛИНСКОЕ СОВЕЩАНИЕ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР,

23 января 1954 года министр иностранных дел СССР В. М. Молотов был принят президентом Германской Демократической Республики Вильгельмом Пиком в его резиденции во дворце Нидершёнхаузен.

На снимке: В. М. Молотов и Вильгельм Пик обмениваются приветствиями.

Фото Центральбильд.

Перед началом заседания. Министр иностранных дел СССР В. М. Молотов здоровается с участниками совещания. Справа налево — В. М. Молотов, заместитель министра иностранных дел СССР А. А. Громыко и министр иностранных дел Англии Антони Иден.

Copyrighted material

←

На Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, Франции, Англии и США. Справа — государственный секретарь США Д. Ф. ДАЛЛЕС и члены американской делегации. В центре — министр иностранных дел СССР В. М. МОЛОТОВ, заместитель министра иностранных дел СССР А. А. ГРОМЫКО, посол СССР в Англии Я. А. МАЛИК. Слева — министр иностранных дел Англии А. ИДЕН и члены английской делегации.

ФРАНЦИИ, АНГЛИИ И США

Фото В. Савостьянова (ТАСС).

В адрес четырех министров иностранных дел непрерывным потоком поступают письма и телеграммы от организаций и частных лиц Германии, настоятельно требующих найти пути к мирному разрешению германской проблемы. Еще до открытия совещания миллионы таких писем получил президиум Национального совета Национального фронта демократической Германии (верхний снимок).

В числе авторов этих писем рабочие, крестьяне, ученые и деятели искусств, предприниматели и служители церкви. На снимке внизу: письмо подписывают инвалид войны Густав Экнерт, Гедвига Гроллер, домашняя хозяйка Елена Кроссе и рабочий берлинской электростанции Вилли Мюллер.

Фото из журнала «Нейе берлинер иллюстрирте».

←

24 января 1954 года министр иностранных дел СССР В. М. Молотов возложил в берлинском Трептов-парке венок у памятника советским воинам, павшим в боях за Берлин. При возложении венка присутствовали А. А. Громыко, Я. А. Малик, В. С. Семенов, Г. М. Пушкин, Л. Ф. Ильичев, Г. Н. Зарубин, И. И. Ильичев, С. А. Виноградов, А. А. Соболев, Н. Т. Федоренко, Д. А. Жуков.

На снимке: В. М. Молотов и сопровождающие его лица направляются к памятнику советским воинам.

Фото В. Савостьянова (ТАСС).

Copyrighted material

На Выставке чехословацкого изобразительного искусства XIX и XX веков в Москве. Слева направо: А. Яр-Кравченко, чехословацкие художники И. Лиеслер и И. Брож, Г. Мотовилов, С. Герасимов и Ф. Богородский.

Фото М. Озерского.

Выставка чехословацкого изобразительного искусства

С каждым днем крепнут культурные связи народов Советского Союза и стран народной демократии. Недавно в столице Чехословакии Праге открылась Выставка советского изобразительного искусства, тепло принятая зрителями. Сейчас в Москве в залах Академии художеств СССР развернута Выставка чехословацкого изобразительного искусства — одна из крупнейших зарубежных выставок, бывших до сих пор в СССР.

Здесь представлено свыше 600 произведений живописи, скульптуры и графики, знакомящих советских зрителей с историей развития чехословацкого изобразительного искусства XIX—XX веков.

Произведения чехословацких художников являются образцами реалистического, глубоко правдивого искусства. Замечателен по выразительности и мастерству огромный по размерам (1 000 × 320 см) рисунок углем на картоне «С Советским Союзом на вечные времена» А. Забранского, выражающий основную идею выставки.

Скульптуры, представленные на выставке, воссоздают образы людей новой Чехословакии — людей труда, целеустремленность и красоту их духовного облика. Таковы работы Карела Покорного и Милоша Зета, «Шахтер» Оскара Козака, «Сварщик Хорват» и «Шахтер-ученик» Александра Тризуляка, «Пионер» Рудольфа Угера, «Женщина из Восточной Словакии» Яна Матэ, «Старый шахтер» Ладислава Новака и другие. Здесь же известная картина лауреата Государственной премии талантливого художника Яна Чумпелика «На рассвете февральского дня», посвященная событиям 1948 года, когда чехословацкий народ несокрушимой стеной встал на защиту своей родины от происков врагов-заговорщиков.

Здесь и лучшая из вещей Йозефа Драги — «В литейном цехе» и сияющая и радостная картина Марии Медвецкой «Дети мира», воспринимаемая как выражение светлого будущего Чехословакии, надежд и чаяний ее народа.

Зрители знакомятся с произведениями выдающихся живописцев XIX века Йозефа Манеса, Ярослава Чермака, Миколаша Алеша, подолгу любуются замечательными пейзажами А. Косарека, А. Хиттусси, Ю. Маржака, проникнутыми чувством огромной любви к родному краю, восхищаются блестящими по мастерству и глубокими по мысли скульптурами Йозефа Вацлава Мыслбека. Можно было бы еще продолжить список имен художников, бережно хранящих в своем творчестве славные традиции национальной чехословацкой школы живописи, скульптуры, графики.

Раздел графики на выставке особенно богат. Среди великолепных работ художника М. Швабинского зрители видят известный им ранее портрет Юлиуса Фучика. Замечательны офорты и цветные акватинты Т. Ф. Шимона, литографии Виктора Стретти. Интересны иллюстрации к роману Г. Флобера «Мадам Бовари» Йозефа Лиеслера и к роману Галины Николаевой «Жатва» Людовита Илечко. Представлена и политическая карикатура.

В книге отзывов народный художник РСФСР В. П. Ефанов, выражая общее восхищение выставкой, пишет:

«...Мы, советские художники, рады еще и тому, что современные художники Чехословакии, изучая и правильно используя наследие мастеров прошлого своей родины, встали твердо на путь реалистического искусства и тем самым стали близкими и понятными своему и нашему народу».

А. АБРАМОВА

Советские врачи в Париже

«Метод Лимберга». Он получил широкое распространение в советской стоматологии. Член-корреспондент Академии медицинских наук СССР ленинградский профессор А. А. Лимберг разработал новый метод производства операции на лице: шов оказывается почти невидимым и не обезображивает лица.

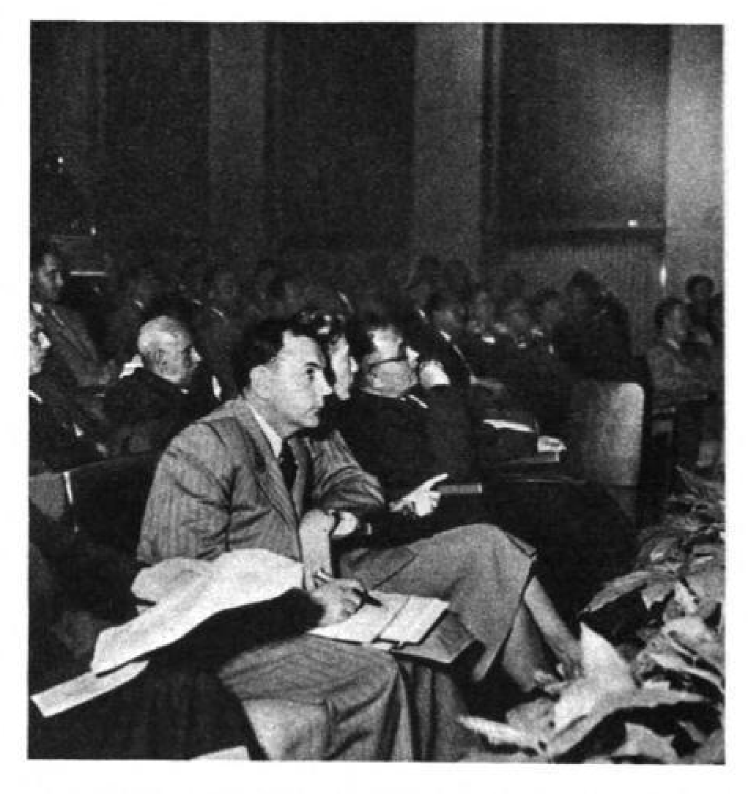
О достижениях профессора Лимберга известил на состоявшемся недавно XIII конгрессе врачей-стоматологов в Париже представитель советской делегации. Это сообщение вызвало большой интерес участников конгресса.

Главный стоматолог парижских госпиталей Люсьен Лебур решил сам испробовать метод советского профессора. Он рассказал нашим делегатам о предстоящей операции и проконсультировался с ними. Операцию французский стоматолог произвел в одном из крупнейших госпиталей Франции. Она прошла удачно, и уже на следующий день Люсьен Лебур благодарил советских врачей от своего имени и от имени больного.

Советские врачи — делегаты конгресса — профессор С. Ф. Косых из Молотова, москвич доцент А. И. Дойников, харьковчанин доцент М. Ф. Даценко посетили стоматологическую клинику в Лионе. Многих больных проконсультировали наши врачи в парижских медицинских учреждениях: в стоматологическом институте, зубоврачебной школе, поликлиниках.

Рассказывая на конгрессе о достижениях советской стоматологии, доцент А. И. Дойников продемонстрировал делегатам аппарат, предложенный молодым советским ученым В. Ф. Рудько для фиксации обломков нижней челюсти. Французские стоматологи признали, что аппарат этот превосходит все известные им, и говорили, что он найдет применение и во Франции.

М. АРКАДЬЕВ

На конгрессе врачей-стоматологов в большом зале медицинского факультета Парижского университета. На переднем плане — советский делегат А. И. Дойников.

Пятисотый спектакль

31 января Малый театр показал в 500-й раз спектакль «Евгения Гранде» (инсценировку одноименного романа Оноре де Бальзака).

Пьеса эта, поставленная в 1939 году, была третьей встречей Малого театра с Бальзаком. Первая произошла 30 января 1856 года, вторая — 11 октября 1873, когда давали «Памелу Жиро». В спектакле участвовали такие прославленные артисты, как Шумский, Медведева, Самарин, Федотова...

В 500-м спектакле «Евгения Гранде», как и в первом, участвовали С. Межинский—Феликс Гранде, Е. Турчанинова — госпожа Гранде, Е. Велихов — де Бонфон и бессменный исполнитель роли нотариуса Крюшо — А. Грузинский. Евгению Гранде играла Д. Зеркалова.

После первых спектаклей постановщик народный артист К. А. Зубов писал о пьесе, что это «одна из самых ярких страниц обвинительного акта против буржуазного общества. Быть может, ни в каком другом своем произведении гениальный художник-реалист не обрисовал с такой потрясающей силой власть денег, которая проникает во все поры капиталистического общества и разъедает чувства людей».

Это определило направленность спектакля. И теперь, как и пятнадцать лет назад, зритель выходит из театра с глубоким убеждением, что в мире, где царствует золото, где все продается и покупается, нет места человеческому счастью. К такому выводу его подводит глубокое и точное прочтение романа режиссурой спектакля, художником В. Козлинским и блестящим ансамблем актеров, которые сумели правдиво и остро нарисовать отталкивающую жизнь и уродливые нравы французской провинции 1819—1827 годов.

«Фигура старого Гранде господствовала в этой драме и освещала ее»,— писал Бальзак. Фигура Гранде в исполнении Межинского господствует и в спектакле. Этот страшный образ скупца впитал в себя все черты, свойственные его предшественникам — Шейлоку, Гарпагону, скупому рыцарю,— но это вместе с тем и очень конкретный образ. Жесты, повадки выдают в нем бывшего бочара, движения, ритм, темперамент отличают цепкий, изворотливый характер французского дельца.

Кажутся сошедшими со страниц романа и остальные сценические персонажи. Затравленная, безропотная госпожа Гранде, с достоинством и гордостью переносящая унижения, ее ровный на протяжении всего спектакля голос, спокойные движения и единственный, из сердца идущий крик матери, защищающей своего ребенка; Евгения Гранде — по силе, энергичности, решительности и непреклонности характера — дочь своего отца, только у Евгении эти черты направлены на защиту большой, чистой человеческой страсти...

Долго рукоплескали зрители участникам спектакля. Аплодисменты эти были благодарностью актерам за те большие, гуманные и волнующие мысли, которые несли они в зрительный зал.

И. СЕМЕНОВА

На пятисотом спектакле «Евгения Гранде». Участники первого спектакля: Феликс Гранде — С. Межинский, госпожа Гранде — Е. Турчанинова.

Фото О. Кнорринга.

Copyrighted material

Зима в Будапеште

Г. БОРОВИК, Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
специальные корреспонденты «Огонька»

По пути в Будапешт мы перелистывали справочники, пытаясь представить себе, какой погодой встретит нас венгерская столица. Справочники единогласно утверждали, что продолжительность солнечного освещения в Будапеште— 1 900—2 000 часов в год, а средняя температура января — 2,3° ниже нуля по Цельсию с относительно малым количеством осадков. Но поезд подошел к перрону в густом тумане; термометр показывал пятнадцать градусов мороза, и, главное, валил густой снег — явление, которого не запомнят будапештские старожилы.

Снег выпал на головы будапештцев неожиданно — 31 декабря. За один день он по-своему «приготовил» город к встрече Нового года: расстелил огромные белые скатерти на площадях, как бы приглашая гостей к столу, осыпал мириадами серебряных звездочек ветви будапештских каштанов и акаций, оттенил величественные очертания зданий, позаботился и о памятниках, фамильярно нахлобучив на них мохнатые шапки.

На другой день спортивная газета вышла с крупным заголовком: «Да здравствует снег!». Новогодний подарок зимы радостно встретили не только любители спорта. Снег оказался кстати: с сентября не было дождей, и это серьезно беспокоило хлеборобов. Словно почувствовав хороший прием, снег повалил с удвоенной силой. Тогда для Будапешта начались некоторые трудности.

Выйдя на одну из улиц города, мы прежде всего направили объектив фотоаппарата на громадный снежный сугроб. К нашему удивлению, сугроб сдвинулся с места и тихо проследовал мимо. Он оказался... легковой автомашиной.

Против наступающего снега были брошены «мото-мехчасти», но снегоочистительных приспособлений в Будапеште, для которого такой снегопад— величайшая редкость, оказалось недостаточно. Тогда в наступление пошла «пехота» — жители города быстро очистили мостовые, соорудив высокие снежные хребты по бокам улиц. Сугробы тут же поступили в распоряжение юных горожан с их санками.

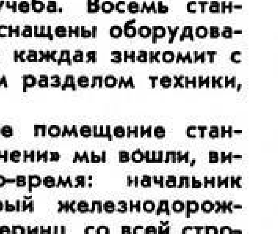
В эти дни на улицах Будапешта много детей. Причина этому — необычная, веселящая детвору погода и школьные каникулы. Но свое знакомство с маленькими хозяевами города мы начали с визита в детский сад, принадлежащий Киштекской текстильной фабрике. Заведующая садом Маргит Микеш — совсем еще молодая женщина. Она повела нас по уютным комнатам, казавшимся игрушечными от обилия маленьких вещей: столиков, стульчиков, миниатюрных плетеных раскладушек и, разумеется, игрушек.

— Наш детсад работает уже шесть лет,— рассказывала на ходу Маргит Микеш.— В прошлом году у нас было событие: первые «выпускники» в школу. При хортистском режиме фабрика тоже имела, с позволения сказать, «сад»— пятьдесят детей теснились в одной комнате. Сейчас у нас два здания с двумястами сорока обитателями. Скоро получим новый, специально для нас выстроенный дом— вот тогда приходите в гости снова!

Аккуратно одетые ребятишки встречали нас солидно и доверчиво произносили свое приветственное «чоколом». Они охотно несколько минут постояли перед фотоаппаратом, но потом, убедившись, что «птичка» все-таки не вылетела, степенно удалились заниматься чем-то, повидимому, очень важным.

Мы поинтересовались, во что обходится родителям содержание ребенка в детском саду. Оказалось, в 1—2 форинта в день. Насколько невелика эта сумма, можно судить по тому, что один форинт платят за стакан газированной воды с сиропом...

— Хотите увидеть любимое занятие школьников,— советовали нам будапештские друзья,— поезжайте на гору Свободы, посмотрите детскую железную дорогу! Для ребят это не только развлечение, но и интересная и полезная техническая учеба. Восемь станций дороги оснащены оборудованием так, что каждая знакомит с определенным разделом техники, физики...

В служебное помещение станции «Гора Сечени» мы вошли, видимо, не во-время: начальник станции, старый железнодорожник Иштван Леринц со всей строгостью отчитывал за какие-то неполадки двенадцатилетнего контролера Аттилу Елкеша. Смущение юного Аттилы явно усугублялось тем обстоятельством, что выговор он получал в присутствии Маргариты Дохань, которая хоть и дежурная по станции, но все-таки девочка...

Если спросить маленького будапештца, что ему больше всего нравится в городе, он почти на-

Copyrighted material

бешенства! Ни угрозы, ни репрессии не помогли. Так и затянули рабочие строительство до самого конца войны. А сразу же после освобождения Венгрии Советской Армией работа закипела, и суда были сданы заказчику! Долго строили, — закончил, смеясь, Озди, — но зато построили как следует и для кого следует...

Будапештцы активно используют блага необычной для них зимы. В первое же воскресенье после того, как выпал снег, гора Свободы, возвышающаяся в Буде, подверглась нашествию сорока тысяч любителей зимнего спорта. Шли пешком, ехали на трамваях, в автобусах, на мотоциклах, даже на велосипедах. Такси, пыхтя, взбирались вверх, навьюченные лыжами.

Гора Свободы напоминала в этот день огромный муравейник. Люди средних лет и молодые, совсем маленькие и пожилые катались на санях, прыгали с трамплинов, занимались слаломом. Вот дается старт лыжному кроссу общества «Вашаш». Рядом проводит тренировку школьный преподаватель физкультуры Отто Цикмантори, которого его молодые питомцы любовно зовут «Отто бачи» (дядя Отто).

Будапештцы приезжают сюда на целый день, здесь же отдыхают, закусывают. Высокий седой старик, увешанный длинными термосами, раздает маленькие бутерброды целому выводку пестро одетых ребятишек, наверное, внучат. Сидя гуськом на длинных санях, они, как птенцы в гнезде, широко открывают рты.

верно ответит: детский универмаг. Этот прекрасный подарок дети Будапешта получили три года назад. Большое сооружение, сверкающее стеклом, высится в том районе Пешта, который в старой Венгрии славился фешенебельными магазинами, доступными только очень богатым людям.

Работники универмага сумели превратить его в своеобразный детский клуб: здесь проводятся «литературные пятницы» для детей школьного возраста, в определенные часы для юных покупателей демонстрируются фильмы, есть своя детская почта со штампом универмага. Работающий тут же детский парикмахер прославился способностью успокаивать даже самых капризных ребят. Как и следовало ожидать, маленьких посетителей тянет прежде всего в отдел игрушек. Вот и сейчас на четвертом этаже, у прилавка, ребятишек полным-полно...

Здесь мы познакомились с Иштваном Фаркашем—вот он рядом с ребятами. Фаркаш — рабочий металлургического и машиностроительного комбината имени Матиаса Ракоши на Чепеле: это — одно из крупнейших предприятий Венгрии. Сегодня день заработной платы: он хочет привезти подарки своим маленьким Дьюле и Терезе.

Семья Фаркашей живет в квартире, которую они получили в 1949 году в новом доме. Новых домов с каждым годом в Будапеште строится все больше и больше,— есть целые улицы, застроенные ими.

Переселение семьи Фаркашей совпало с большим несчастьем: опасно заболела жена Иштвана.

— Думал, не жилец она,— рассказывает Иштван Фаркаш.— Но помог завод, помогла партийная организация. Жену поместили в лучшую больницу. Три года лечилась Тереза. Я не управился бы один с ребятишками, если бы опять завод не помогал. Ну, а теперь мы снова все вместе! Вы не подумайте, что ко мне какое-нибудь исключительное отношение... Нет, каждому в трудную минуту оказываем поддержку. Мы теперь на заводе одна семья — что директор, что инженер, что простой рабочий...

На судостроительном заводе имени Георгиу Деж молодой секретарь партийной организации Бэла Озди назвал нам цифру: около 1 200 политических работников дал стране завод, всегда бывший одним из центров революционного движения в старой Венгрии.

Бэла Озди водил нас по громадной территории завода и с гордостью показывал его продукцию: самоходные подъемные краны, пассажирские корабли, строящиеся для народной Польши, мощные грузовые суда — для Советского Союза.

— Раньше, на старом заводе, такое делать не могли! — говорит Озди и добавляет весело: — Знаете, когда мы начали строить первые суда для вашей страны? Нет? Это целая история. Перед самой войной завод получил заказ от СССР на два грузовых корабля. С каким воодушевлением взялись за их постройку наши рабочие! Но началась война. Стало ясно, что суда достанутся фашистам. И вот рабочие стали саботировать строительство... 1 мая 1943 года на мачте одного из кораблей взвился красный флаг. Два дня полиция не могла снять его. Комендант волосы на себе рвал от

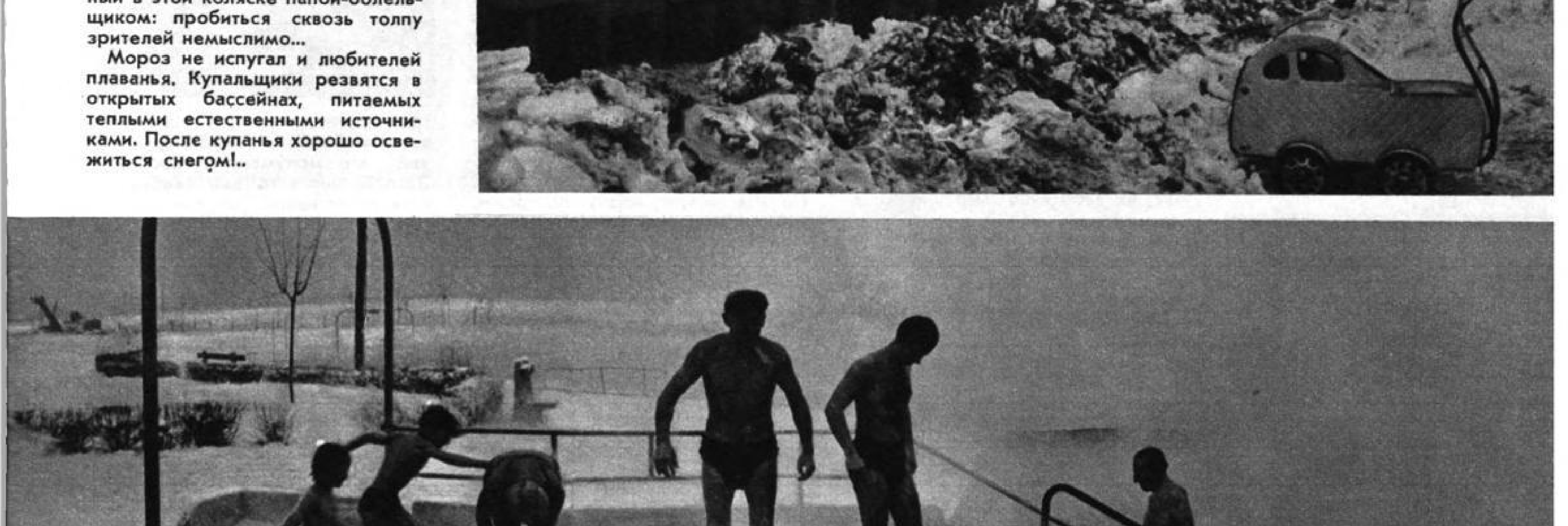

Copyrighted material

Но паломничество на гору вовсе не означает, что замерла спортивная жизнь в самом Будапеште. На тренировочном стадионе идет товарищеская футбольная встреча между сборной командой Венгрии, которая в конце января выезжает в Египет, и сборной командой профсоюза строителей. К сожалению, о ходе матча мы можем рассказать не больше, чем младенец, оставленный в этой коляске папой-болельщиком: пробиться сквозь толпу зрителей немыслимо...

Мороз не испугал и любителей плаванья. Купальщики резвятся в открытых бассейнах, питаемых теплыми естественными источниками. После купанья хорошо освежиться снегом!..

Copyrighted material

На другой день мы побывали на заседании исполнительного комитета городского совета. Это оказалось для нас как бы продолжением разговора с чепельским рабочим Фаркашем и Бэла Озди с судостроительного завода.

Хозяевами Будапешта, новыми «отцами» города стали люди заводов, фабрик, сыны революционного рабочего класса. Председатель городского совета Кальман Конграц — бывший токарь завода «Мовог»; первый его заместитель, Ференц Незвал, был рабочим кожевенной фабрики; второй заместитель, Геза Сили, работал на заводе имени Клемента Готвальда.

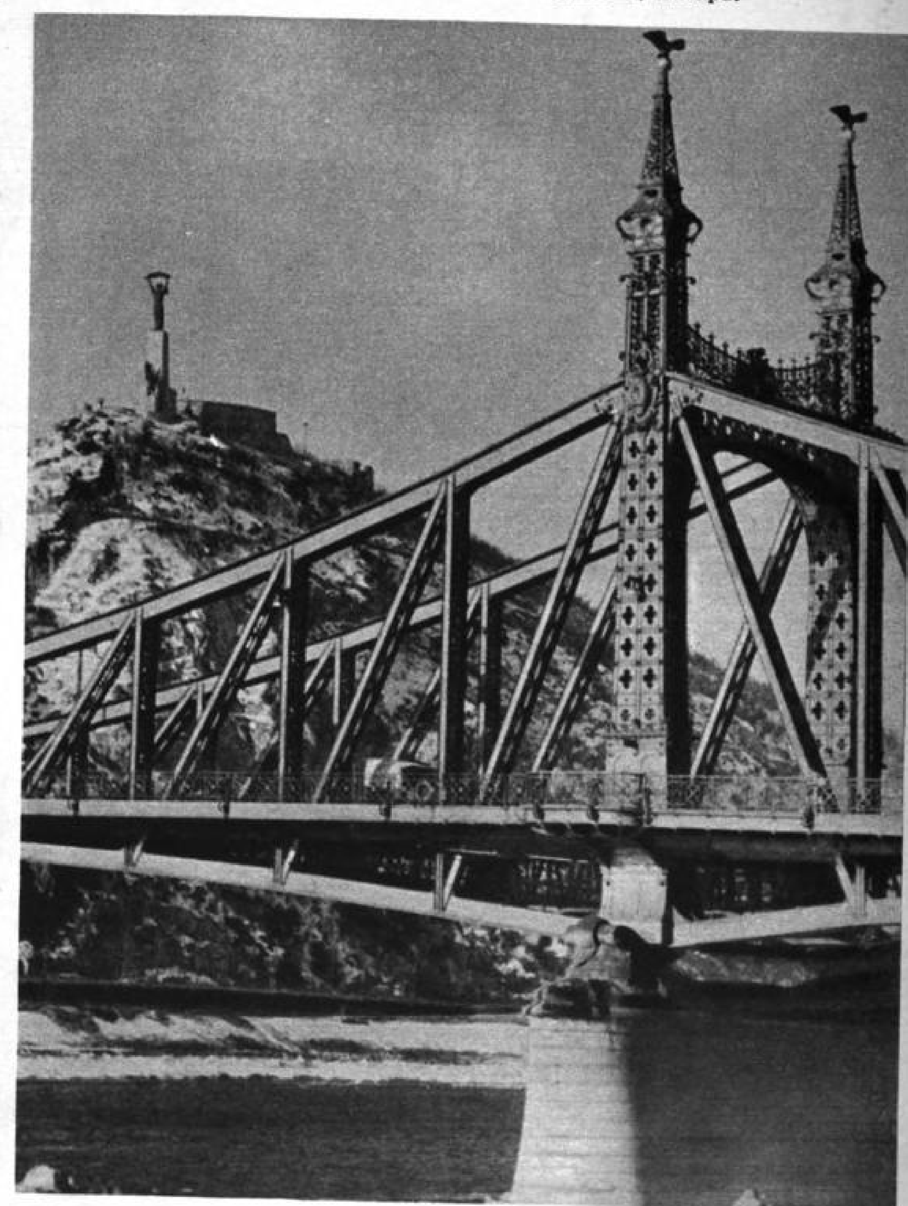
В большом освещенном тремя люстрами зале заседаний горсовета идет обсуждение финансового плана города на 1954 год. Поднимаются десятки вопросов: надо увеличить средства на ремонт школ, открываются новые продовольственные и промтоварные магазины, идет строительство жилых домов, нужно наладить снабжение города в зимнее время овощами и фруктами. За окном густыми хлопьями падает снег, а в зале заседаний ведется разговор о зеленом Будапеште, о подготовке к весне и лету, когда на площадях и в парках столицы будут высажены миллионы цветов. Сейчас их заботливо выращивают в оранжереях.

Будапештцы — очень темпераментные зрители в театре, любители музыки, живописи. Подойдите к афишной тумбе, и вы увидите, как широка и разнообразна культурная жизнь столицы. Вот объявление о сотом представлении оперы, вот плакат о IV выставке венгерского изобразительного искусства, сообщение об открытии в январе «Театра маленькой сцены», вот программы научных лекций, спектаклей, кинокартин в рабочих клубах. В Будапеште восемнадцать театров и концертных залов. В любой день недели трудно достать билеты. Будапештцы смотрят произведения Мольера, Шиллера, Шекспира, Толстого, пьесы венгерских классиков и современных драматургов. Они любят острое слово, меткую шутку, сатиру. Мы побывали в городском «Веселом театре» на спектакле, название которого можно перевести пословицей: «Нечего на зеркало пенять...» В зале почти непрерывно звучал веселый смех. Правда, объектив нашего фотоаппарата запечатлел и отдельные угрюмые лица, но что поделаешь: сатира не всякому по душе...

На одной из улиц мы разговорились со старым будапештцем, расклейщиком афиш Михаем Дулешем.

— Я занимаюсь своим делом уже сорок шесть лет... Ходил я по этим улицам и в дни, когда солдаты вашей страны прогнали из Будапешта кровопийц. Тогда я расклеивал военные сводки советского командования... Город был, ох, как разрушен! Я уж думал: никогда не возродится наш красавец Будапешт. Но, представьте себе, через несколько дней я уже наклеил на тумбу первую театральную афишу: начались спектакли оперного театра!.. Потом я ходил на берег Дуная смотреть, как восстанавливаются мосты. Да, друзья, вот 13 февраля будет ровно девять лет с того дня, как освободили Будапешт. Он теперь лучше прежнего. Вы сосчитали новые дома в рабочих районах? И не пробуйте: все равно собьетесь... Этим летом я расклеивал плакаты о снижении цен. И так мне как-то тепло на сердце было, будто сам я своими руками это снижение провел!.. Слов нет, новую жизнь построить — это не афиши расклеить. Нет, тут дело большое, сложное. И мы все понимаем это. Но мы новую жизнь построим, будьте уверены. Вон, видите, на горе стоит памятник советским воинам-освободителям? Народ назвал его монументом Свободы. Завоеванная в те дни свобода и есть залог нашей уверенности.

Будапешт, январь.

Copyrighted material

aterial

Н. А. Касаткин. КТО? 1897 год. Государственная Третьяковская галерея.

Живопись Н. А. Касаткина

На выставке Товарищества передвижников в 1891 году появилось несколько картин художника Н. А. Касаткина (всего второй раз он был участником передвижных выставок). Среди них — полотно «Соперницы», привлекшее внимание зрелым мастерством, свежестью и новизной трактовки сюжета, поэтичностью.

Морозный зимний день. По сверкающей от снега деревенской улице идут с ведрами две девушки, две русские красавицы. Идут они бок о бок; но сразу видно, что в отношениях подружек появилось что-то новое: они стали соперницами. Невдалеке парень, играющий на гармонике,— не потому ли одна из девушек опустила глаза, а вторая, подбоченясь, испытующе смотрит на подругу? В этом взгляде и ревность, и зависть, и тревога... Живо, кистью подлинного мастера-реалиста, тонкого психолога воспроизводит художник сложные человеческие взаимоотношения, воспевает поэзию и красоту русской зимы...

После выставки 1891 года Н. А. Касаткин был принят в число членов Товарищества. Картину «Соперницы» приобрел П. М. Третьяков для своей галереи.

Очень интересна жанровая картина Касаткина «Кто?» (1897 год).

В каталоге своей юбилейной выставки, состоявшейся в 1929 году, художник дал собственные аннотации к некоторым своим произведениям. Вот что он рассказывает о картине «Кто?»:

«После четырехлетней военной службы в конном строю взводный драгун возвратился в свою деревню. За несколько недель до призыва он женился, чтобы ввести в дом родителей работницу... Уходил он добродушным парнем, возвращался со службы ожесточенным и озлобленным человеком. За строй и за лошадь много его били в казарме, и сам он научился бить, когда стал взводным.

Когда он взошел в свою избу и увидел свою жену с прижитым без него ребенком, вся звериная жестокость, воспитанная в нем царской казармой, безраздельно овладела им.

— Кто? — заревел он, стуча кулаком по столу и впиваясь в лицо жены налитыми кровью глазами. Смертельный страх захватил сердце женщины. Ребенок робко прижался к родимой».

И все же главная тема творчества Касаткина — жизнь рабочего класса в России. И можно сказать, что своими произведениями он открыл в истории русского изобразительного искусства новую замечательную страницу. Изучая труд рабочих, Касаткин побывал в 1892 году в шахтах Донецкого бассейна, куда затем ежегодно в течение семи лет совершает поездки. Работая в труднейших условиях, Касаткин собрал огромный материал. Среди созданных художником образов тружеников особенно привлекательна молодая «Шахтерка» (1894 год)—первое изображение в русском искусстве женщины-работницы, полное оптимизма, жизнеутверждающей силы.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед художником широкие творческие горизонты. Один из деятельнейших членов Ассоциации художников революционной России, Касаткин первым получил звание народного художника. Николай Алексеевич Касаткин создал много цельных и обобщенных образов новых людей, рожденных революцией. К числу лучших из них относится и портрет вожатой.

«Никогда не забудутся,— писал И. Е. Репин,— картины Касаткина, так они прекрасны и задушевны».

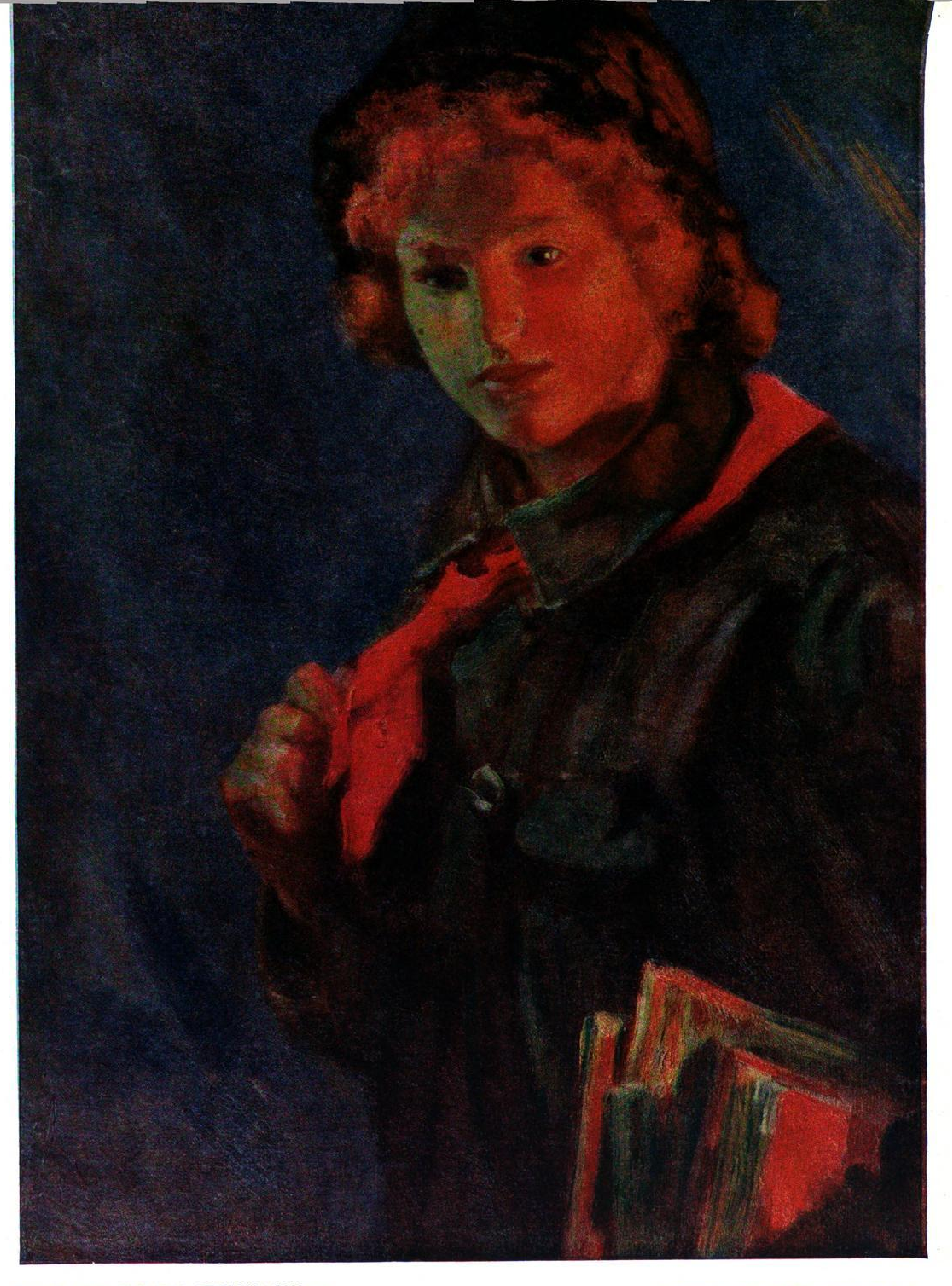
А. АБРАМОВА

Copyrighted materia

Н. А. Касаткин. ШАХТЕРКА. 1894 год. Государственная Третьяковская галерея.

Copyrighted material

Н. А. Касаткин. ПИОНЕРКА ВОЖАТАЯ. 1925 год.

Государственный музей Революции СССР.

Copyrighted material

НЕИССЯКАЕМЫЙ РОДНИК

К 125-летию со дня смерти А. С. Грибоедова

Вл. ОРЛОВ

Александр Сергеевич Грибоедов вошел в литературу в 1815—1817 годы. Решающее значение для его идейного и творческого развития имели Отечественная война 1812 года и революционное движение декабристов. В декабристской среде окончательно сложились его взгляды. Недоверчиво относившееся к автору запрещенной цензурой комедии николаевское правительство отправило его послом в Персию. Сам Грибоедов расценивал это «почетное назначение» как политическую ссылку. 11 февраля 1829 года он был убит разъяренной толпой, подстрекаемой религиозными фанатиками. Так оборвалась жизнь этого гениального писателя.

В 1883 году великий строитель русского реалистического театра А. Н. Островский посетил Грузию. Отвечая на приветствия своих тамошних почитателей, он сказал: «На высокой горе над Тифлисом красуется великая могила Грибоедова, и так же высоко над всеми нами парит его гений. Не мы, писатели новейшего времени, а он внес живую струю жизненной правды в русскую драматическую литературу».

Живая струя грибоедовской традиции питала и до сих пор питает русскую драматургию, русский театр.

Выдвинутая в «Горе от ума» тема борьбы нового со старым, отживающего с нарождающимся, тема борьбы за свободу, честь и достоинство человека, за торжество разума и культуры с течением времени не только не теряла своего жизненного значения, но, напротив, приобретала все бо́льшую остроту и наполнялась новым содержанием.

Общественное влияние комедии началось сразу же, как только читающая и мыслящая Россия узнала ее. Это произошло накануне восстания декабристов. «Грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет»,— так охарактеризовал сам Грибоедов атмосферу дружеского внимания, которою окружили комедию и ее автора передовые русские люди двадцатых годов.

«Это благородное негодование ко всему низкому, эта гордая смелость в лице Чацкого проникла в меня до глубины души»,— так декабрист Александр Бестужев передавал ощущения, охватившие его после первого же знакомства с «Горем от ума».

Декабристы засвидетельствовали, что рукописные тексты «Горя от ума» наряду с «Путешествием» Радищева сильно способствовали развитию свободолюбивых идей, что пламенные обличительные монологи Чацкого «приводили в ярость». Известно, что декабристы размножали рукописный текст комедии с тем, чтобы распространять его в обществе. Декабристская литературная критика в лице А. Бестужева при появлении в печати отрывков из «Горя от ума» сразу же во всеуслышание заявила, что «будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных».

Русские просветители и революционные демократы середины XIX века неизменно обращались к «Горю от ума» и пользовались им как острым и безотказным оружием идейно-политической борьбы.

В студенческом кружке Белинского беспрестанно декламировали целые сцены из комедии Грибоедова. Герцен и Огарев писали о Чацком-декабристе, широко раскрывая общественно-политический смысл комедии. Чернышевский называл ее одной из самых любимых наших книг. Юный Добролюбов мечтал походить на Чацкого.

Высоко ценил разящую силу грибоедовского слова великий Ленин. В своей борьбе с врагами народа и революции он часто применял острые изречения Грибоедова и созданные писателем образы. Достаточно сказать, что ни одно произведение художественной литературы не цитировалось в статьях и речах Владимира Ильича так часто, как «Горе от ума».

Серго Орджоникидзе, сидя в каземате Шлиссельбургской крепости, записывал в дневнике свои мысли о «Горе от ума» как об истинно новаторском произведении «реального искусства» и о Чацком как о воплощении передового деятеля своей эпохи.

Чрезвычайно глубоким и плодотворным было и непосредственно литературное воздействие знаменитой комедии.

«Горе от ума» отозвалось уже в творчестве Пушкина. В частности, как в черновой, так и в окончательной редакции последних глав «Евгения Онегина», где встречаются строфы, по своему обличительному пафосу созвучные ироническим тирадам Чацкого, мы находим прямые упоминания о грибоедовской комедии.

Как живо колкий Грибоедов
В сатире внуков описал,
Как описал Фонвизин дедов,
Созвал он всю Москву на бал...

«Горе от ума» наложило отпечаток на бытовую сатиру в повестях А. А. Бестужева-Марлинского и В. Ф. Одоевского. В популярном в свое время нравоописательном романе Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских» среди действующих лиц встречаем Фамусова, Молчалина, Скалозуба, Хлёстову, Репетилова. В образе одного из центральных героев, Чадского, много черт, сближающих его с грибоедовским Чацким. В самом сюжете романа также многое навеяно «Горем от ума»: пылкое поведение Чадского порождает в обществе слух о его помешательстве.

«Горе от ума» вызвало к жизни целую серию разного рода «перепевов» и «продолжений» — в стихах и в прозе, в повествовательной и в драматической форме. Друг за другом появлялись, начиная с двадцатых годов, всевозможные «Следствия комедии Горе от ума», «Горе от безумия», «Расстроенное сватовство, или Горе от ума и горе без ума», «Утро после бала Фамусова», «Возврат Чацкого в Москву» и т. д.

Впоследствии образы грибоедовской комедии часто служили сатирикам революционно-демократического направления. Так, например, в стихотворном памфлете видного поэта-искровца В. Курочкина «Цепочка и грязная шея» (1862), направленном против реакционно-рептильной журналистики, которая злобно травила Чернышевского, действуют в качестве воинствующих мракобесов графини Хрюмины, Хлёстова, все шесть княжон Тугоуховских, а также упоминаются Загорецкий и Молчалин (ставший фельетонистом продажной газеты). Другой поэт-искровец, Д. Минаев, в шутке-водевиле «Москвичи на лекции по философии» вывел на сцену Загорецкого, Хлёстову, семейство Тугоуховских, Фамусова, Скалозуба, Репетилова, объединив их с реальными лицами из реакционного литературного лагеря.

Но, разумеется, не прямыми «перепевами» и подражаниями определяются мера и характер историко-литературного воздействия грибоедовской комедии.

Белинский первый указал на всю значительность роли, которую комедия сыграла в дальнейшем развитии критического реализма. Подчеркнув, что «Горе от ума» наряду с «Евгением Онегиным» «было первым образцом поэтического изображения русской действительности в обширном значении слова», Белинский продолжал: «В этом отношении оба эти произведения положили собою основание последующей литературе, были школою, из которой вышли и Лермонтов и Гоголь». И далее Белинский пояснил, что без «Онегина» и «Горя от ума» Гоголь «не почувствовал бы себя готовым на изображение русской действительности, исполненное такой глубины и истины».

Вековая традиция карающей социальной сатиры, восходящая в русской драматургии к Фонвизину, была продолжена и поднята на новую, более высокую ступень Грибоедовым. Именно он окончательно утвердил самобытно-национальный характер русской комедии. Основой этой национальной самобытности русской комедии, резко отличавшей ее от все более мельчавшей западноевропейской комедиографии XIX века, были глубокая верность жизненной правде и служение общественным интересам. Гоголь, называя «Недоросля» и «Горе от ума» «истинно общественными комедиями», справедливо утверждал: «Подобного выражения, сколько мне кажется, не принимала еще комедия ни у одного из народов».

Создание «истинно общественной комедии» — это и была главная заслуга Грибоедова перед русской литературой. В этом же прежде всего заключалось и его новаторство.

Общественная направленность комедии властно диктовала необходимость выработки новых художественных средств. Русская реалистическая драматургия, начиная с Грибоедова, главное свое внимание сосредоточила не на изощренных приемах построения интриги, а на создании типических и вместе с тем ярко индивидуальных характеров.

Грибоедов решил эту задачу с величайшим успехом, и его художественными открытиями широко пользовались все выдающиеся представители русской драматической литературы XIX века. Они учились у Грибоедова искусству

ГОРЕ

ОТЪ УМА.

КОМЕДIЯ

въ четырехъ дѣйствiяхъ, въ стихахъ

Сочиненiе

АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ГРИБОѢДОВА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФIИ АВГУСТА СЕМЕНА

при Императорской Медико-Хирургич. Академiи

1833.

Фронтиспис и титульный лист первого издания «Горя от ума».

Copyrighted material

боевой общественной сатиры, реалистическому изображению быта и нравов, углубленному построению типических, разносторонних характеров, драматургическому мастерству, несравненной разговорной живости и гибкости стихотворного языка, блестящему умению наделить каждого героя такой речью, которая бы соответствовала его социальной принадлежности и психологии.

Любопытно, что подавляющее большинство стихотворных комедий XIX века было написано впервые примененным в «Горе от ума» вольным, разностопным стихом, в наибольшей мере позволявшим передавать все оттенки живой речи.

«Грибоедовская нота» отчетливо звучит в последующих произведениях русской драматургии — драматургии, гневно разоблачавшей паразитизм, своекорыстие, ханжество, нравственное растление и преступность господствующих классов.

Герой лермонтовского «Маскарада» Арбенин — младший брат Чацкого. Их роднит близкое сходство характеров и поведения. Арбенин, как и Чацкий, бросает смелый и гордый вызов светской черни, обличает ее спесь и холопство. В образе действующего в «Маскараде» мошенника Шприха мы узнаем черты Загорецкого. В другой драме Лермонтова — «Странный человек» — обнаруживаются несомненные и, вероятно, намеренные переклички с «Горем от ума», и даже в самом названии драмы, как было подмечено исследователями, можно видеть отзвук автохарактеристики Чацкого: «Я странен, а не странен кто ж?..»

Интересно, что осведомленные современники Лермонтова указывали на прямую связь его драматургических замыслов с «Горем от ума». А. Н. Муравьев, нужно думать, со слов самого Лермонтова, передает: «Пришло ему на мысль написать комедию, вроде «Горя от ума», резкую картину на современные нравы».

Грибоедовское начало чувствуется и в первом драматургическом опыте Гоголя — сатирической комедии «Владимир 3-й степени», которая, по замыслу автора, должна была разоблачить пустую и пошлую жизнь чиновничьего и светского общества. Сам Гоголь хотел, чтобы в этой комедии было много «злости, смеху, соли». Она создавалась в атмосфере первых сценических успехов «Горя от ума», и не приходится сомневаться, что эти спектакли произвели на Гоголя сильное впечатление.

Внимательно учился у автора «Горя от ума» А. Н. Островский. Он сам рассматривал свое творчество как продолжение грибоедовско-гоголевской традиции. В комедии «Доходное место», одном из лучших созданий Островского, как бы повторяется, но уже в новых исторических условиях, конфликт, запечатленный Грибоедовым: острое столкновение честного и благородного молодого человека (Жадов) с людьми подлыми, бездушными, преступными. Характерно, что Лев Толстой чутко уловил в «Доходном месте» грибоедовскую ноту и отметил родственную близость старого чинуши Юсова с Фамусовым.

Преемственно связана с «Горем от ума» и драматическая сатира Щедрина «Тени». Преуспевающий бюрократ Клаверов — это удачливый Молчалин, со всей его подлостью, со всем его безграничным цинизмом.

Очерки Щедрина «В среде умеренности и аккуратности» (цикл «Господа Молчалины») служат особенно выразительным примером жизненности грибоедовских образов. Щедрин переосмыслил их соответственно общественно-политической обстановке, сложившейся в 1870-е годы. Он показал дальнейший путь Молчалиных. Молчалин у Щедрина вырос в фигуру поистине страшную по своей беспринципности и приспособленчеству. Наряду с Молчалиным-чиновником у Щедрина действует и Молчалин-литератор — редактор холуйской газетки «Чего изволите?». Чацкий недаром предрекал, что Молчалин «дойдет до степеней известных»: в обстановке николаевской реакции — да и позднее — «умеренные и аккуратные» Молчалины, действуя «применительно к подлости» (по бессмертному выражению Щедрина), шли в гору, выдвигались на первые роли.

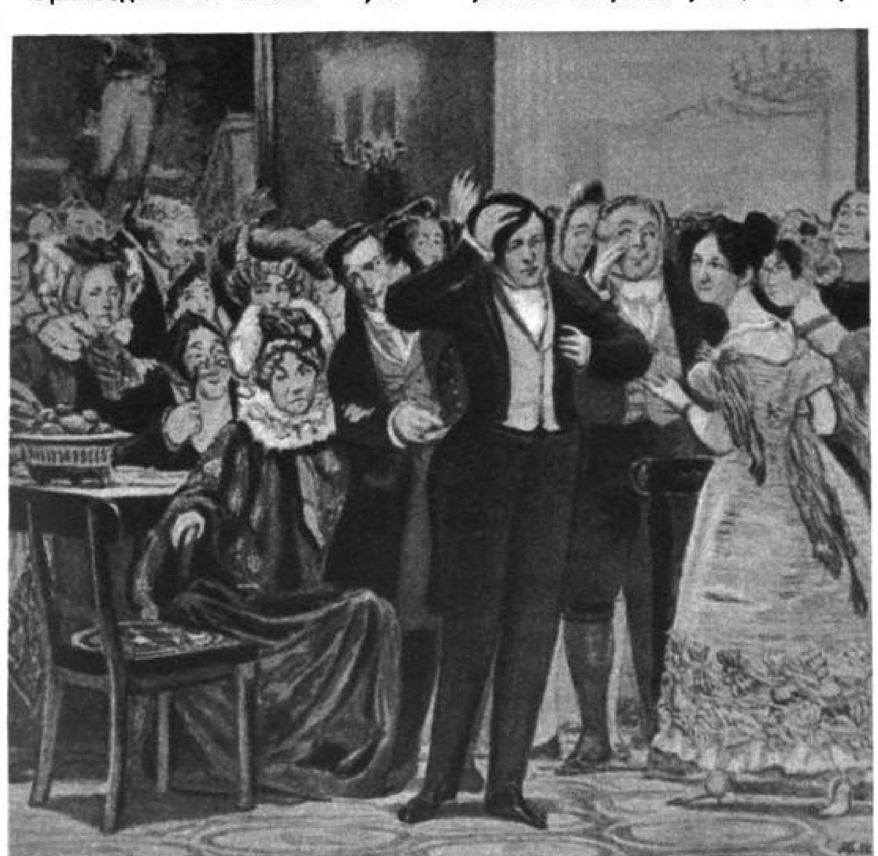
* * *

Живая струя жизненной правды, внесенная Грибоедовым в русскую литературу, не иссякла и поныне. Его великая комедия и сейчас не утратила своей могучей нравственно-воспитательной силы. Борьба нового со старым является основой развития советского общества. И Грибоедов — наш союзник в этой борьбе.

Его творчество остается высоким образцом и примером для советских художников слова и сцены.

А. С. ГРИБОЕДОВ.
Акварель работы неизвестного художника (1812—1815 годы).

Иллюстрации Д. Кардовского к «Горю от ума».

Copyrighted material

ЧАЦКИЕ РУССКОЙ СЦЕНЫ

Вл. ФИЛИППОВ

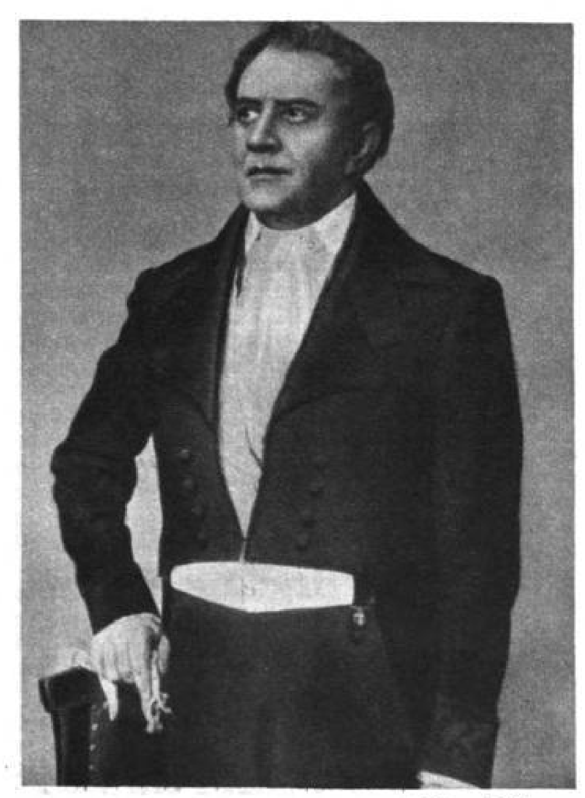
Многие актеры с успехом выступали в роли Чацкого, но далеко не все они вошли в сценическую историю великой комедии, не всем удавалось глубоко раскрыть духовный мир Чацкого. Долгий путь пришлось пройти театру, чтобы создать реалистически полнокровный и жизненно правдивый образ этого борца с самодержавно-крепостническим строем. Трудно было актерам еще и потому, что на протяжении десятилетий «Горе от ума» давалось на сцене в сильно искаженном цензурой тексте, что мешало полностью выявить идейное содержание комедии, обличительную направленность речей Чацкого.

Петербургский трагик Вас. Каратыгин (1802—1853) изрекал монологи Чацкого, словно приговоры судьбы.

В Москве пламенный Павел Мочалов (1800—1848), стремясь избежать трагического тона, оказался «холоднее», чем в других своих ролях, требовавших меньшего жара. Сознательно пренебрегая театральными эффектами, великий актер играл, по свидетельству современников, «натурально и прекрасно» и, несмотря на цензурные искажения, сумел раскрыть обличительную силу комедии. Так, монолог «А судьи кто?» он произносил с иронией и затаенной злобою и желчью. Отвечая на вопрос Софьи «Скажите, что вас так гневит?», он страстно клеймил светское общество за влечение ко всему французскому. Актер и режиссер Александринского театра Н. И. Куликов в своих воспоминаниях подчеркивал, что «интеллигентная московская публика умела ценить умную и обдуманную игру артиста».

Зато представители «высшего света» упрекали Мочалова в том, что он «...не умеет носить фрак».

И. В. Самарин (1817—1885) прекрасно умел носить фрак, безукоризненно владел великосветскими манерами. Но, конечно, не этим вошел в историю театра «лучший Чацкий нашей сцены» середины XIX века. Первый акт в исполнении Самарина был совершенством. Верилось, что его Чацкий «летел», «спешил», был «свиданьем оживлен». Он великолепно рисовал стихами Грибоедова портреты представителей московского общества. Актер поражал богатством интонаций. В его речах, как и у Чацкого-Мочалова, звучал страстный патриотизм. Но основным для Чацкого-Самарина была пламенная любовь к Софье.

В. И. Качалов—Чацкий на сцене МХАТа. 1938 год.

Актер Малого театра С. В. Шумский (1821—1878), умный и тонкий художник, также счел необходимым выдвинуть на первый план страстную влюбленность Чацкого в Софью, стремление добиться ее взаимности. Вместе с тем любовная драма Шумского-Чацкого переплеталась с общественной драмой. Артист показал все растущее негодование против общества, горечь сознания того, как пагубно влияет окружающая среда на любимую им девушку. Такая трактовка в какой-то мере предваряла характеристику Чацкого, данную в 1872 году Гончаровым в его статье «Мильон терзаний».

Среди последующих исполнителей роли Чацкого были такие крупные актеры, как А. П. Ленский, Ф. П. Горев, В. П. Далматов, Мамонт Дальский.

Русский театр конца XIX и начала XX века знал знаменитых Чацких в исполнении А. И. Южина и В. И. Качалова.

Южин дебютировал в этой роли на сцене Малого театра в 1882 году и выступал в ней до 1902 года. Ярко и убедительно показывая личную драму Чацкого, актер с каждым годом все полнее раскрывал богатое содержание комедии. В игре Южина, все усиливаясь, звучало негодование не только против фамусовского общества, но и против самодержавно-крепостнического строя в целом. Южин был первым, кто своей трактовкой роли заставлял вспоминать декабристов, поднимая этим социальное значение спектакля «Горе от ума».

Иная трактовка образа Чацкого дана Московским Художественным театром в постановке «Горе от ума» 1906 года: режиссура считала нужным раскрыть лишь личную драму Чацкого. Подчиняясь замыслу режиссуры, В. И. Качалов создал пленительный образ страстно влюбленного, умного и обаятельного юноши. Но в то же время В. И. Качалов с такой убедительностью, с какой в дореволюционную эпоху ни один исполнитель этой роли не делал, подчеркнул патриотизм Чацкого, его горячую любовь к своему, родному, негодующий протест против «пустого, рабского, слепого подражанья».

Известно, что при возобновлении «Горя от ума» Художественным театром в 1914 году В. И. Качалов показал в своем Чацком и отдельные черты самого Грибоедова — ироничность и насмешливость, смелость и правдолюбие.

В предреволюционные десятилетия наша сцена знала многих выдающихся исполнителей роли Чацкого. Каждый в зависимости от присущих ему особенностей дарования выдвигал на первый план те или иные стороны образа. А. А. Остужев, не затушевывая общественных мотивов роли, особенно волновал зрителя горем Чацкого от любви. П. М. Садовский, в течение четверти века, начиная с 1902 года, выступавший в этой роли на сцене Малого театра, давал почувствовать, как личная драма обостряет негодование Чацкого не только против низкопоклонства, чинопочитания и злословия, но и против крепостничества и самодержавия.

И. В. Самарин — «лучший Чацкий» середины XIX века.

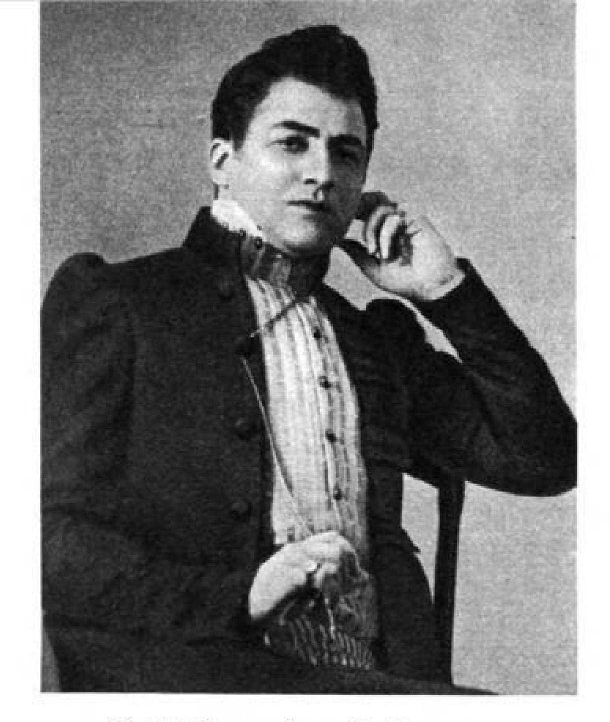

П. М. Садовский—Чацкий на сцене Малого театра. 1919 год.

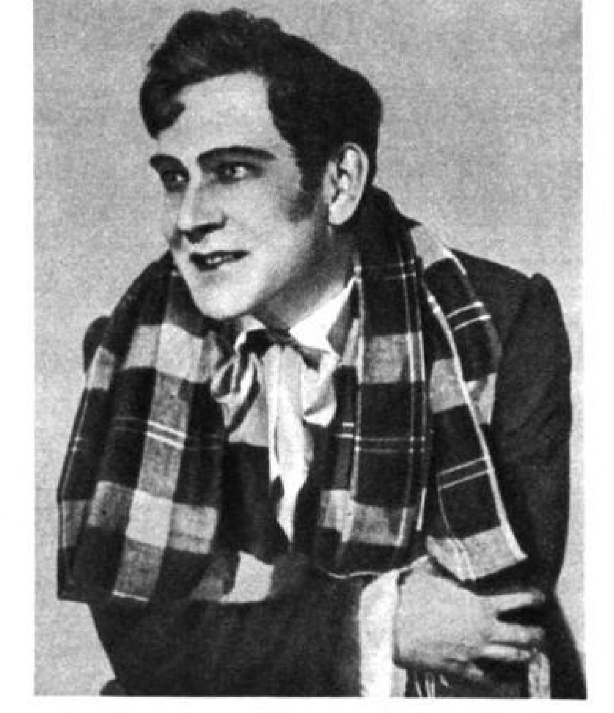
Так же трактовал роль и Ю. М. Юрьев, игравший Чацкого в 1897, 1903 и 1919 годах на сцене Александринского театра в Петербурге. Продолжая выступать в этой роли и на советской сцене, П. М. Садовский и Ю. М. Юрьев углубили ранее созданные ими образы, усилив обличительно-сатирическое звучание великой комедии.

К этому же стремились и те актеры, которые начали играть Чацкого в советское время на сцене Малого театра (В. Э. Мейер, В. Н. Аксенов, А. А. Дубенский), на сцене Художественного театра (М. И. Прудкин, Б. Н. Ливанов,

Copyrighted material

Ю. М. Юрьев—Чацкий. 1919 год.

М. И. Царев—Чацкий на сцене Малого театра.

Ю. А. Завадский). Завадский в дальнейшем играл Чацкого в Ростове-на-Дону в своей постановке, придав ему юношескую задиристость и язвительность. В исполнении большинства перечисленных актеров Чацкий запоминался зрителям не как «одиночка», а как представитель тех молодых людей, которые разделяли взгляды участников дворянского освободительного движения.

Но на советской сцене образ главного действующего лица «Горя от ума» получил и иное качественное изменение. Так, например, в Смоленском театре (постановки 1937 и 1939 годов) у исполнителей В. С. Нельского и Н. А. Покровского Чацкий предстал борцом за светлое будущее, твердо верящим, что это радостное будущее наступит.

Еще бо́льшим оптимизмом, верой в неминуемую гибель старого и торжество нового был проникнут образ Чацкого, созданный В. И. Качаловым в 1938 году. В речах Чацкого-Качалова волнующе звучала вера в конечное торжество освободительных идей.

По-новому был дан Малым театром центральный образ грибоедовской комедии в постановке 1938 года, выдержавшей испытание временем и продолжающей идти и сейчас. Чацкий М. И. Царева своей порывистостью и задорным весельем (в 1-м действии) пленяет зрителя. Он «остер, умен, красноречив»; он с блеском импровизирует, сыплет эпиграммами, создает яркие портреты родных и знакомых. Этот влюбленный юноша, многое переосмыслив и глубоко возненавидев фамусовское общество, искалечившее Софью, покидает некогда родной для него дом мыслителем, созревшим для борьбы с самодержавно-крепостническим строем, смело встающим на защиту передовых идей.

Так за стодвадцатилетнюю сценическую жизнь комедии «Горе от ума» эволюционировал образ ее главного героя.

Органическое слияние личного чувства и общественного негодования, впервые подчеркнутое Шумским и полностью достигнутое лишь на советской сцене, горячий патриотизм Чацкого (Мочалов, Самарин, Качалов), умение вскрыть идейную близость к декабристам (Южин) — таковы основные черты образа, унаследованные от прошлого и поднятые на более высокую ступень советским театром.

От Чацкого, заражавшего зрителей темпераментом, но после пережитого в полном отчаянии уезжавшего из дома Фамусова (Мамонт Дальский), до Чацкого, провидящего победу своих чаяний, твердо верящего, что настанет время, когда каждый оскорбленный будет отомщен (Качалов), до Чацкого, покидающего Москву созревшим активным борцом со всем, что мешает развитию человека (Царев), — таковы этапы сценической истории этого сложнейшего образа положительного героя нашей отечественной драматургии.

Ю. А. Завадский—Чацкий. 1938 год.

Н. А. Покровский—Чацкий. 1937 год.

Лирика

Степан ЩИПАЧЕВ

Из албанских мотивов

В ущелье, где ходит ветер,
Охотник сидит у ручья.
Он в вышитом черном жилете
И с розою в дуле ружья.

Взбирался он скалам на плечи,
В долины спускался не раз.
Вернувшись с охоты под вечер,
Он розу любимой отдаст.

Он глянет на темные брови,
На розу в девичьих зубах
И губы исколет до крови,
Чтоб смять лепестки на губах.

Хургулек

Красоте тувинских гор и рек,
Той, что в памяти оберегаю,
Имени простого Хургулек
Не затмить — оно в строке сверкает.

Не в сиянье звездном небеса,
Не Саяны, не дорог откосы,
Вижу вновь раскосые глаза,
Черные девические косы.

Как забуду! Песенки свои
Запоет она — и зал послушен.
Если б там водились соловьи,
Их бы в этот час никто не слушал.

В той далекой милой стороне,
Стройная, скользя лукавым взглядом,
Сколько раз она певала мне,
Только мне, присев со мною рядом!

Я до слез чужому счастью рад.
За свои поступки не краснею.
Есть на свете молодой арат —
Пусть он счастлив будет с нею.

Copyrighted material

ПЬЕСА, ОБОШЕДШАЯ МИР

Перевод «Горя от ума» на другой язык представляет большие трудности и требует переводчика-поэта с большим талантом и знанием русской жизни. И все же первые переводы «Горя от ума» стали появляться уже в 30-х годах прошлого века. Знаменитая комедия Грибоедова переведена на польский, болгарский, чешский, словацкий, венгерский, сербский, немецкий, французский, английский, итальянский, турецкий, персидский и другие языки.

Для ознакомления с комедией в XIX веке широко применялись переводы и в прозе. Как правило, переводы той поры были весьма несовершенны. Они не только не давали представления о форме комедии, но часто содержали серьезные ошибки, которые искажали ее смысл. Однако, несмотря на несовершенство этих переводов, на Западе уже тогда нашлись люди, достаточно проницательные, чтобы понять величие Грибоедова.

Одним из них был Эдуард Тьерри, в прошлом директор драматического театра «Французская комедия». Опираясь на первый французский, довольно точный прозаический перевод Легрелля, Тьерри в статье, написанной в 1885 году, сумел превосходно оценить характер дарования Грибоедова: «Это был блестящий, полный огня ум, это был поэт, истинный поэт, сатирический и лирический, это был гражданин, патриот, пламенная душа...»

Сравнивая Чацкого с Альцестом, Тьерри писал: «Мольеру пришлось изобразить фигуру безумца, чтобы можно было его устами высказать своему веку смелые истины... Живя в стране, гораздо менее, на наш взгляд, свободной, Грибоедов проявил больше мужества. Он не стремился ничем маскировать и смягчать обличительные речи Чацкого». Так французский критик разгадал огромную, невиданную до того в литературе общественно-обличительную силу комедии.

Одним из первых переводов «Горя от ума» был перевод двух отрывков из комедии, опубликованных в 1831 году издававшимся тогда в Петербурге польским сатирическим журналом «Баламут» («Шут»). Перевод принадлежал польскому драматургу А. Корженевскому и носил название: «Насмешливый любовник» из комедии Грибоедова «Беда с остроумием».

В дальнейшем Корженевский своеобразно переработал «Горе от ума», превратив героев комедии в поляков.

Перед нами — польский Фамусов, корыстолюбивый, эгоистичный и плутоватый, уважаемый, однако, соседями за искусство своего повара. Он небезвыгодно управляет имением своей племянницы Лидии и боится, что если она выйдет замуж за своего возлюбленного, Генриха, то потребует у дяди отчета в опеке. Чтобы избежать этого, польский Фамусов предлагает своему секретарю совершить подлог и оклеветать Генриха.

Генрих — это польский Чацкий. Насмешливый молодой человек, он хорошо образован и недурно владеет пером. Генрих возмущен низостью и лицемерием того общества, с которым его столкнула судьба, возмущен тем, что Лидия поверила клевете на него, и покидает Лидию в конце пьесы.

Многие реплики и диалоги комедии Корженевского дословно воспроизводят текст «Горя от ума». Монологи Генриха представляют собой перифраз речей Чацкого. Но далеко не все! «Комедия», как называется пьеса Корженевского, вышла в свет в 1856 году. В этот период польское дворянство, проникнутое духом торгашества, усердно занималось коммерцией. Именно поэтому Генрих говорит с горькой иронией:

Покупайте! Продавайте!
Стройте фабрики!
Современник воздает вам хвалу
аплодисментами,
приветственными кликами.
После кончины потомок на
богатой могиле
Воздвигнет вам памятник
с надписью: имел столько-то
хлопов,
На большой дороге не грабил,
Развивал отечественную
торговлю, благоприятствовал
промышленности
И не крал — следовательно, был
добродетелен.

Польский Чацкий выступает уже не только против праздных бардворян, но и против помещиков-дельцов буржуазной складки. Вспоминаются слова Гончарова: «...Чацкие живут и не переводятся в обществе, повторяясь на каждом шагу, в каждом доме, где под одной кровлей уживается старое с молодым, где два века сходятся лицом к лицу в тесноте семейств,— все длится борьба свежего с отжившим, больного с здоровым...»

Слева направо — актеры Польского государственного театра: Ян Курнакович в роли Фамусова (рисунок Анны Рембач), Францишек Доминиак в роли Скалозуба и Ян Кречмар в роли Чацкого (рисунки Эдварда Гловацкого).

Хотя «Горе от ума» еще в прошлом веке было трижды переведено стихами на польский язык, на сцену комедия Грибоедова попасть не могла, потому что она, как пишет современная польская газета «Трибуна люду», отталкивала польскую буржуазию своим радикализмом.

Потребовалась победа народно-демократического строя, чтобы «Горе от ума» получило права сценического гражданства. Интересно отметить, что честь первой постановки «Горя от ума» (в 1949 году) принадлежит самодеятельному коллективу лодзинских предприятий текстильной промышленности.

На сцене профессионального польского театра комедия Грибоедова предстала во всем своем блеске только с появлением нового замечательного перевода, выполненного Юлианом Тувимом. Поэт трудился над своим переводом около 14 лет и закончил его в 1951 году. «Это была работа безмерной трудности, но в то же время необычайно увлекательная»,— рассказывал Тувим. Ему удалось впервые воспроизвести на польском языке не только всю глубину содержания «Горя от ума», но и гибкий, живой, афористичный стих комедии.

В мае 1951 года Польский государственный театр в Варшаве впервые показал «Горе от ума». Достоинства перевода Тувима во многом определили удачу работы режиссера Бронислава Домбровского. По словам рецензентов, он добился главного — «естественного сочетания политического, бытового и психологического».

Недавно премьера пьесы Грибоедова прошла также в Болгарии и в Чехословакии.

Любопытна судьба комедии в Германии. Немецкий народ имеет блестящие переводческие традиции. Переводилось на немецкий язык и «Горе от ума». Но долгое время эта комедия оставалась достоянием лишь узкого круга специалистов, знатоков русской литературы. Причина этого заключалась не только в слабости старых переводов, но и в том, что новаторство Грибоедова противоречило привычным представлениям о драме, которые сложились у немецких литераторов и деятелей искусства. В 1947 году появился новый перевод комедии, сделанный Иоганнесом Гюнтером. С тех пор перевод Гюнтера почти ежегодно переиздавался «Ауфбау» (издательством Культурбунда, организации немецкой демократической интеллигенции).

«Мне говорили, что эта пьеса,— вспоминает Гюнтер,— не встретит в Германии никакого отклика, что она в глубоком смысле не драматична, что ее очарование существует только для русских... Я не верю этому. Квинтет, состоящий из отца, дочери, служанки, секретаря и бывшего возлюбленного, полон большой силы драматизма, а тот, кто считает вторую сцену третьего акта, когда разрастается слух о сумасшествии Чацкого, непригодной для театра и не видит всей необычайности заключительного акта, тот не понимает, что такое драматическое, и должен справиться об этом в «Гамбургской драматургии» (классический труд Лессинга, посвященный театру и драме.— **Ред.**)».

Подобно Тувиму, Гюнтер с удивительным мастерством передал все разнообразие ритмики грибоедовского стиха.

Читая перевод Гюнтера, нельзя не порадоваться тому, как точно воспроизведены бойкие и меткие реплики Лизы, томные и капризные речи Софьи, сентенции и поучения Фамусова, полные сарказма патетические монологи Чацкого. Приходится удивляться и той виртуозности, с которой переводчик передал выражения, вошедшие у нас в пословицу.

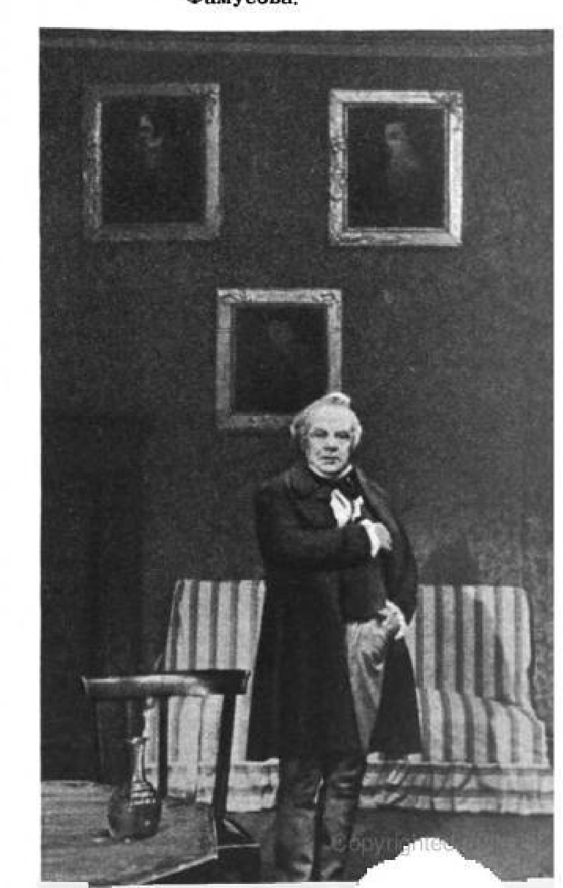
В апреле 1951 года состоялась премьера «Горя от ума» (в переводе Гюнтера) на сцене одного из ведущих театров Берлина — «Театра на Шифбауэрдам». Демократическая пресса единодушно отметила, что постановка этой гениальной комедии — огромное событие в жизни Германии.

Особенно любопытен отзыв о спектакле газеты «Теглихе рундшау». Рецензент не только подчеркивает связь комедии Грибоедова с русским освободительным движением. Он указывает на актуальное значение пьесы для современной Германии: «Духом свободы и подлинной человечности веет от нее и сейчас — как когда-то; и это мы чувствуем в Германии, особенно в Германии, ибо у нас живы еще многие общественные пороки, которые заклеймила комедия Грибоедова». Слова немецкого рецензента явственно перекликаются с тем, что пишет польская газета «Нова культура», утверждающая, что «Горе от ума» помогает польскому народу бороться с врагами «нашего собственного завтра».

Больше чем через сто лет после своего создания «Горе от ума» помогает народам мира в борьбе с реакцией.

М. ЧЕРНЕВИЧ

Народный театр (София). Народный артист Кристо Сарафов в роли Фамусова.

ВРАГУ НЕ СДАЕТСЯ НАШ ГО

Пятьдесят лет тому назад, 9 февраля 1904 года, команды крейсера «Варяг» и находившейся при нем канонерской лодки «Кореец» совершили героический подвиг и завоевали бессмертную славу.

8 февраля 1904 года в корейский порт Чемульпо прибыла японская эскадра в составе шести крейсеров и восьми миноносцев с задачей высадить десант на корейский берег и захватить русские суда.

Под покровом ночи японские войска вторглись в Корею, а утром японский контр-адмирал передал капитану «Варяга» В. Ф. Рудневу официальное уведомление о начале войны с Россией и предложил русским судам покинуть рейд. Находившиеся в порту американский, английский, французский и итальянский военные корабли не препятствовали высадке десанта и отказались сопровождать русские суда до границ нейтральных вод.

Капитан Всеволод Федорович Руднев.

«Варягу» в этих условиях ничего не оставалось, как только прорваться в Порт-Артур и соединиться со своей эскадрой. Японская эскадра преградила путь русским судам, им было предложено сдаться.

— Русские в плен не сдаются! — сказал капитан «Варяга».

Горячо поддержали его моряки. «Варяг» и «Кореец» вступили в неравный бой.

Артиллеристы «Варяга» сумели потопить один вражеский корабль и нанести серьезные повреждения другим японским судам. Велики были потери и на русском крейсере: из строя выбыла половина личного состава. Почти все орудия оказались поврежденными, образовались подводные пробоины.

Но «Варяг» вышел из боя непобежденным! Знамя корабля — Андреевский флаг — и поныне, как дорогая реликвия, хранится в Ленинграде, в Центральном военно-морском музее.

После боя русские моряки решили крейсер потопить, а канлодку взорвать. На «Варяге» подняли сигнал «Терплю бедствие». Экипажи судов были приняты на французский, итальянский и английский корабли. Лишь командир американского судна «Виксбург» К. Маршалл отказался принять на борт своего корабля русских матросов.

Пятьдесят лет тому назад воды Желтого моря обагрились кровью русских матросов, отдавших жизнь за свое отечество. Останки двенадцати матросов «Варяга» похоронили в Чемульпо на Европейском кладбище.

Оставшимся в живых героям боя под Чемульпо предстоял длинный и долгий путь на родину. Лишь 19 марта они прибыли в Одессу. Весь город вышел встречать их. Люди стояли на балконах и крышах домов, взбирались на деревья, заполнили Приморский бульвар. Матросов забрасывали цветами, целовали, качали. Здесь, в Одессе, им вручили георгиевские кресты. Когда они выехали в Петербург, на всех станциях и полустанках приветствовали верных сынов России.

16 апреля героев встретила столица. Путь от вокзала до Дворцовой площади был усыпан цветами, несметные толпы питерцев стояли на улицах. Торжественным маршем прошли по Невскому матросы «Варяга» и «Корейца».

Царское адмиралтейство побоялось сохранить команду «Варяга»: герои-моряки были зачислены на разные корабли. Командира «Варяга» — капитана 1-го ранга Всеволода Федоровича Руднева — в ноябре 1905 года уволили из флота, обвинив в либеральном отношении к революционно настроенным матросам 14-го флотского экипажа, командиром которого Руднев был после «Варяга».

* * *

В 1946 году стало известно, что в украинском городе Славуте живет участник боя «Варяга» под Чемульпо Антон Демьянович Войцеховский. Героя пригласили в Москву на празднование Дня Военно-Морского Флота.

После праздника Войцеховский ездил в Кронштадт в гости к балтийским морякам. Возвращаясь в Москву, Антон Демьянович задержался на день в Ленинграде, побывал в Центральном военно-морском музее и в Эрмитаже. От Невы старик решил пройти к Московскому вокзалу пешком.

— Пока не умер, хочу еще разок прогуляться по Невскому.

И вот через 40 лет после торжественного марша моряк снова шел по Невскому. На нем была новенькая матросская форма, а на бескозырке — написанное золотыми буквами название легендарного крейсера. Эта надпись, георгиевский крест, серебряная медаль за бой «Варяга» и «Корейца» под Чемульпо, бравый вид 70-летнего моряка — все это не могло не обратить внимания прохожих. Вокруг него быстро образовалась толпа, посыпались вопросы. Кто-то предложил «качнуть матроса», и сильные, здоровые руки подняли его поверх толпы.

Старший штурман Евгений Андреевич Беренс.

Тем же летом матрос прославленного крейсера побывал в одном из подмосковных пионерских лагерей. Гостя пригласили в клуб. Здесь он увидел импровизированную палубу корабля. На капитанском мостике висели спасательные круги с надписью «Варяг» и плакат: «Героическому «Варягу» — слава!»

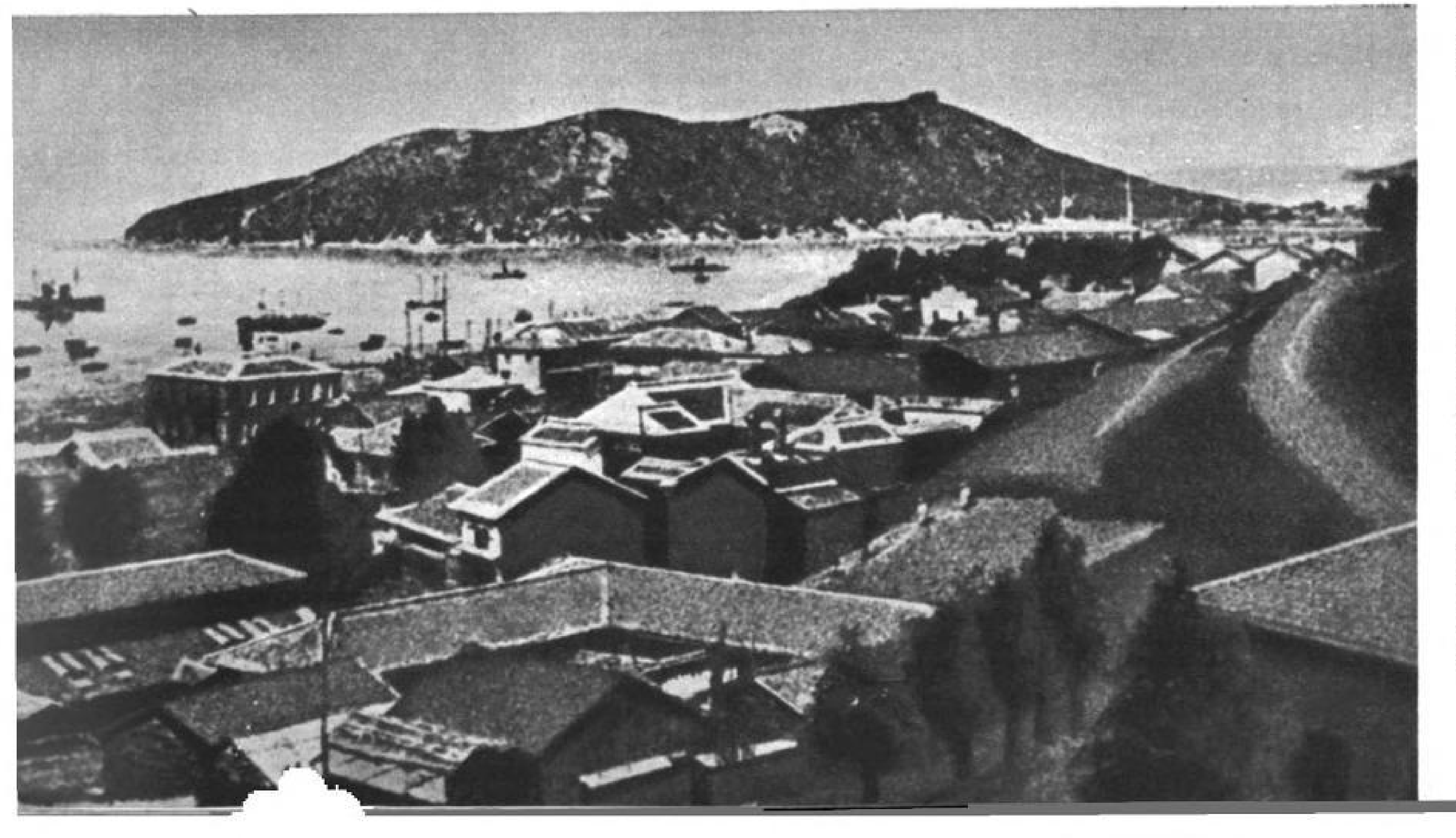
Антона Демьяновича попросили подняться на мостик. Едва взошел он туда, горнист сыграл сбор. Торжественно внесли отрядные знамена, и пионерская дружина запела:

Наверх вы, товарищи, все
по местам,
Последний парад наступает,
Врагу не сдается наш
гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...

Через два года Антону Демьяновичу посчастливилось встретиться со своими друзьями по «Варягу» — С. Д. Крыловым, Т. П. Чибисовым и И. Е. Капленковым. Всем им предоставили путевки в один из подмосковных санаториев. Было что вспомнить друзьям!

Степан Давыдович Крылов — активный участник Октябрьской революции в Питере. Он был среди встречавших Владимира Ильича на Финляндском вокзале в апреле 1917 года. Крылов особенно обрадовался встрече с Вой-

Чемульпо в 1904 году.

Copyrighted material

РДЫЙ „ВАРЯГ"...

цеховским, спасшим ему жизнь в памятные дни. Когда на крейсере уже были открыты кингстоны, Войцеховский обнаружил лежавшего без сознания машиниста Крылова: во время боя он стоял на подаче снарядов и был тяжело ранен. Войцеховский снес товарища в последнюю шлюпку.

Антон Демьянович Войцеховский после «Варяга» служил на «Потемкине» и принимал участие в революционном восстании. В архивах департамента полиции обнаружен список служивших на «Потемкине» и подлежавших «задержанию, обыску и препровождению в Севастополь военно-морскому прокурору». В этом списке значится и матрос 1-й статьи Войцеховский. Двенадцать лет вместе с командой «Потемкина» пробыл он на чужбине и только после Октябрьской революции вернулся на Родину.

Тихон Прокофьевич Чибисов с первого дня создания колхоза «Серп и молот», Арсеньевского района, Тульской области, честно трудится в нем. Иван Ефимович Капленков живет в Ростове-на-Дону.

Матросы «Варяга» 7 ноября 1948 года участвовали в демонстрации в Москве. Поровнявшись с Мавзолеем, они стали лицом к трибуне и горячо приветствовали руководителей Коммунистической партии и Советского правительства. Бывший машинист «Варяга» С. Д. Крылов громко крикнул:

— Спасибо за заботу о старых матросах!

...Что стало с «Варягом» и его командирами?

В 1905 году японцы подняли судно, отремонтировали и зачислили в военно-морской флот под названием «Сойя». В 1916 году царское правительство купило у японцев свой же крейсер.

Рабочий ленинградского завода «Пневматика» А. М. Малахов служил на «Варяге» в 1916 и 1917 годах. Он рассказывает, что в феврале 1917 года «Варяг» зашел в Ливерпуль для ремонта котлов. Из Англии он уже не возвратился: 8 декабря 1917 года английское адмиралтейство заставило русских матросов оставить свой корабль. Малахов сошел с него одним из последних.

Так вероломно английские империалисты захватили русский крейсер, а через некоторое время распространили слух, будто «Варяг» затонул при переходе из Ливерпуля в Глазго.

Удалось установить и судьбу командира.

Всеволод Федорович Руднев после увольнения из флота уехал на родину, в Тульскую губернию. Потомственный моряк, немало сделавший для русского флота, вынужден был заняться сельским хозяйством. Находясь, по существу, в изгнании, он мучительно тосковал по морю. В 1913 году, в возрасте 57 лет, Всеволод Федорович умер. Похоронен он в деревне Савине, Заокского района, Тульской области.

Из семьи его в живых остался лишь старший сын, Николай Всеволодович, который живет в Ульяновске.

Старшим штурманом на крейсере «Варяг» служил лейтенант Евгений Андреевич Беренс.

Три года тому назад мне передали письмо, написанное им своей матери за сутки до боя. Письмо к матери не попало, а сорок лет хранилось у вестового Беренса.

«Дорогая моя, милая и любимая мама! Пишу тебе, может быть, перед смертью,— говорится в письме. — После меня Вера остается одна, без отца, матери и, быть может, без братьев, которые также подверглись одинаковой с нами опасности.

Веру я люблю сильно и горячо, я видел в ней всегда самую любящую, нежную, добрую и хорошую жену, с которой мы прожили все время душа в душу, помогая друг другу в житейских неприятностях, деля радости и горе. Приголубь ее, приласкай, отнесись к ней понежнее и поласковее».

Вера Леонтьевна, жена Евгения Андреевича, когда обнаружилось это письмо, была еще жива. Она находилась после смерти мужа в Доме инвалидов в селе Данки, Серпуховского района. Я увидел ее в тяжелом состоянии, она не поднималась с постели. Прочитав письмо, Вера Леонтьевна сказала:

— Узнаю Женю! Таким внимательным и заботливым он оставался до конца своей жизни.

Октябрьская революция застала Е. А. Беренса в Италии, где он был военно-морским атташе. Евгений Андреевич незамедлительно выехал в Петроград и здесь, не колеблясь, перешел на сторону революции. Бывшего старшего штурмана «Варяга» Советское правительство назначило начальником Морского Генерального штаба, а в 1919 году командующим всеми морскими вооруженными силами республики.

В 1926 году он состоял для особо важных поручений при народном комиссаре по военно-морским делам. Умер Евгений Андреевич в 1928 году.

* * *

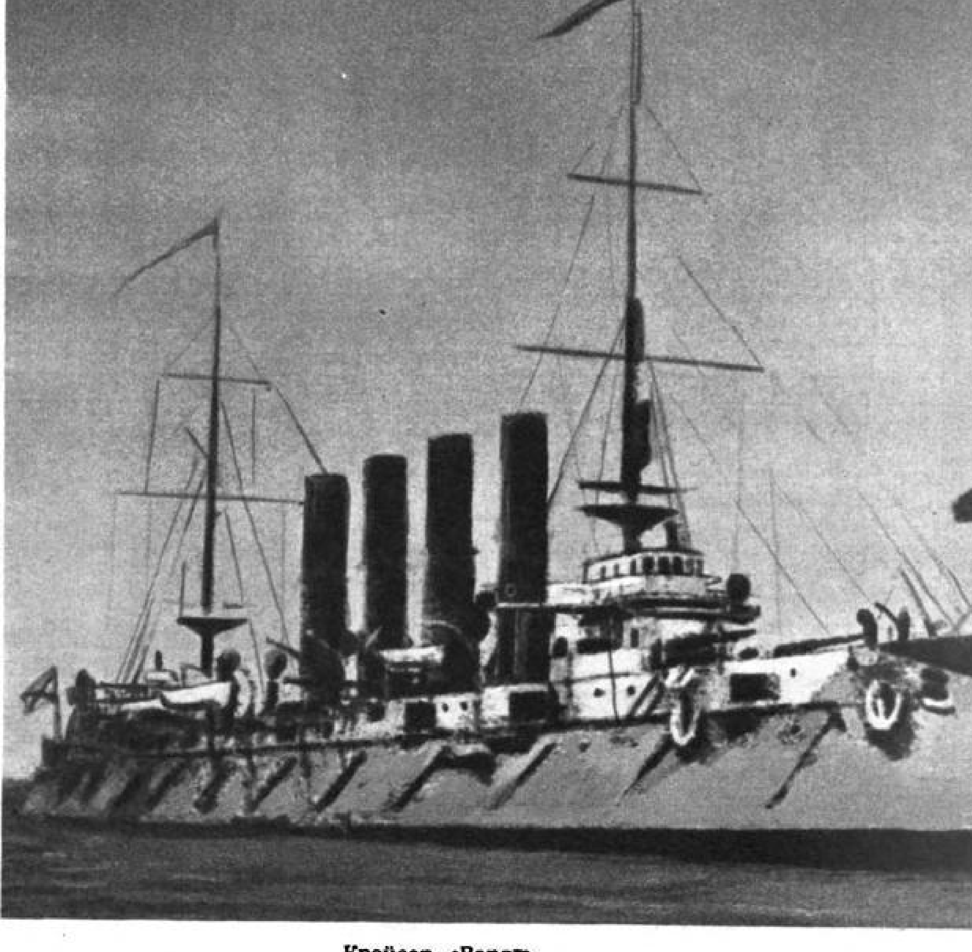
Только при советской власти подвиг матросов «Варяга» и их славного командира получил заслуженное признание. Этот подвиг запечатлен в фильме, выпущенном на экран в 1946 году.

В песне, посвященной героической гибели «Варяга», есть такие слова:

Не скажет ни камень,
ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские
прославят вовек
Геройскую гибель «Варяга».

История внесла существенную поправку в эту любимую народом песню. Не волны морские, а советские люди славят геройский подвиг моряков «Варяга».

Полковник И. ПОНОМАРЕВ

Крейсер «Варяг».

16 апреля 1904 года. Команды «Варяга» и «Корейца» идут торжественным маршем по Невскому проспекту.

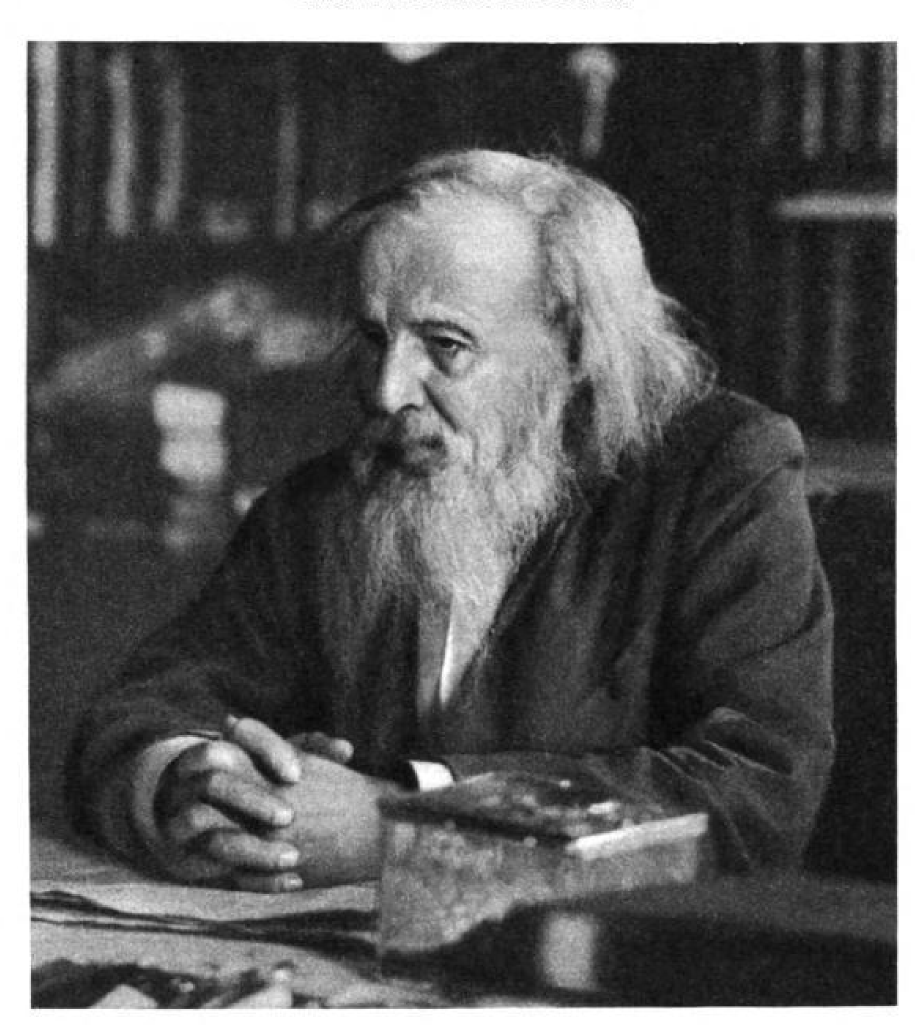
7 ноября 1948 года. В рядах демонстрации идут на Красную площадь (слева направо) А. Д. Войцеховский, И. Е. Капленков, С. Д. Крылов и Т. П. Чибисов.

ПРЕДВИДЕНИЯ ГЕНИАЛЬНОГО ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЯ

Олег **ПИСАРЖЕВСКИЙ**

Не только глубокая признательность потомков замечательному новатору в науке постоянно оживляет в нашей памяти образ великого русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева. Его облик неутомимого, многогранного исследователя и пламенного гуманиста трудно заключить в холодную бронзу памятника. Память о Менделееве неизменно живет среди нас. Это славное имя оказывается неразрывно связанным с тысячами наших повседневных забот, с новыми научными свершениями, с нашими думами о будущем.

Поразительна судьба бессмертного подвига менделеевского гения — открытия периодического закона химических элементов. В летописях истории науки хранится немало поучительных эпизодов, рассказывающих нам подчас о мучительно трудном пути, которым приходилось идти в новую область знания, нередко оступаясь и временно отступая. Как много мы знаем случаев, когда, сыграв смелую роль разведки в область неведомого, несовершенные теории рушились под напором новых фактов. А та просека в учении о веществе, которую прорубил Менделеев в 1869 году, пролегла через десятилетия от споров о том, сколько вообще на свете может быть химических элементов, прямо к нашему времени — к атомным котлам, заурановым элементам и термоядерным реакциям.

Сколько раз Менделеевской таблице химических элементов, построенной на основании открытого Дмитрием Ивановичем закона строения атомов, предрекалась гибель и сколько раз это удивительное по своей законченности создание гениального ума, отражающее глубочайшие законы мироздания, выходило из всех испытаний обновленным, приближая нас к познанию истины!

Вот обнаруживаются первые элементы из череды «ленивцев», избегающих вступать в химическое соединение со своими собратьями, — инертные газы: гелий, аргон, ксенон, криптон, неон. К моменту их открытия таблица элементов казалась законченной. Для них там не было места, но они сами образовали закономерную законченную группу. Мало того, оставшиеся в ней на первых порах пробелы увлекли ученых на новые поиски. Следуя в этом отношении по стопам Менделеева, предсказывавшего свойства не открытых еще элементов, выдающийся английский химик Рамзай, удачно завершив свою охоту за неуловимыми и неведомыми «благородными газами», с признательностью говорил о «примере нашего учителя», имея в виду создателя таблицы элементов.

Когда наступило время науки об искусственном создании неизвестных ранее атомов, казалось, не уцелеть под ее штурмом старой Менделеевской таблице. Однако она не только сохранилась, но и включила в себя все новые элементы, приобретенные наукой в последние бурные годы!

Зарубежные популяризаторы науки рассуждают чуть ли не о мистическом значении «числа Менделеева», разумея под этим порядковый номер элемента в таблице. На самом деле это — действительно замечательное число, но в нем нет никакого чуда. Порядковый номер элемента в Менделеевской таблице дает дополнительные сведения и о числе электронов, которые заключает в себе этот атом, и другие важнейшие данные о нем, вплоть до характеристики строения его ядра. Раскрывая секреты получения атомной энергии, ученые руководствовались периодической системой Менделеева как надежным проводником в неведомое.

Вернейшим компасом служит менделеевская система и химикам, а также искателям металлов и камней. «Не случайно встречаются вместе в природе осмий, иридий и платина или сурьма и мышьяк,— писал по этому поводу академик А. Е. Ферсман.— И те же законы сходства, химической близости атомов определяют поведение элементов в земных недрах. И великая Менделеевская таблица действительно является самым важным орудием, при помощи которого человек открывает богатства недр, отыскивает полезные металлы и создает с их помощью свое хозяйство и промышленность».

Сейчас в серии «Научное наследство», издаваемой Академией наук СССР, том за томом выходят неизвестные ранее материалы, открывающие нам «лабораторию мысли» великого ученого. В первом томе научных архивов Менделеева, посвященном периодическому закону, впервые опубликованы, в частности, странички из менделеевского дневника 1870—1871 годов. Там мы находим замечательное указание, что «все учение химии сост(оит) в учении о св(ойствах) элем(ентов) — цель и задача — превратить один в другой — это буд(ет) дальше». Рождение новой отрасли науки и техники, занятой преобразованием элементов и освобождением атомной энергии,— непосредственное свидетельство торжества изумительного предвидения Менделеева.

В статье «Периодическая законность для химических элементов», с которой удалось впервые в полном виде познакомиться в публикации М. Д. Менделеевой, Т. С. Кудрявцевой и Б. М. Кедрова, содержится поразительный прогноз явления, находящего свое выражение в так называемом дефекте массы, благодаря которому ядерные реакции могут служить источником колоссальной энергии.

На основании тщательного анализа открытых в архиве Менделеева многочисленных вариантов его таблицы элементов на различных стадиях ее усовершенствования профессор Б. М. Кедров установил, что общее число предугаданных великим химиком элементов при построении таблицы достигало 35!

Где источник той изумительной отваги, с которой Менделеев решился на свои смелые научные прогнозы? Он прежде всего в его глубочайшей вере в объективность и непреложность открытых им закономерностей. Глубоко проникая в сущность явлений окружающего мира, он приобретал могучую способность предвидеть явления и процессы, реально существующие в природе, но еще не открытые наукой. Менделеев был убежденнейшим материалистом и стихийным диалектиком. Высокий гуманизм и искренний демократизм Менделеева помогли его мысли вырваться за рамки своего времени.

Менделеева называют «своим» нефтяники, исследователи верхних слоев атмосферы, завоеватели Арктики. Один из зачинателей современного научного земледелия, поднимающего плодородие земли, Менделеев и здесь выступал как горячий борец за новое. Успехи первых опытов применения комплексных удобрений побуждали Менделеева говорить о видевшейся ему в грядущем «земледельческой промышленности», о крестьянине, который будет, по его выражению, «умственным трудом» добывать много хлеба на малых пространствах земли. Предсказывая грядущую индустриализацию земледелия, он гневно вопрошал: «Не хотят ли новые Мальтусы остановить этот рост?» Непоколебимый оптимист, он звал к безграничному развитию производительных сил.

Убежденный противник войн, сторонник мирного процветания всех народов земного шара, Менделеев видел одну из важнейших основ мира во всем мире в тесном союзе России с Китаем. Ленинградский историк Б. Ржонсницкий недавно обнаружил среди неопубликованных рукописей ученого неотправленное письмо, которое заключает в себе наиболее четко выраженные мысли ученого по этому поводу. «Легко предвидеть,— писал Менделеев,— что благосостояние и все мирное развитие России теснейшим образом окажутся связанными с судьбами, предстоящими Азии и Великому Океану. При этом важнейшую долю влияний на будущее должны иметь отношения России к Китаю... Громадность наших границ с Китаем и вся прошлая история сношений с ним возбуждает невольную мысль об том, чтобы и впредь русско-китайские отношения оказывали свое первенствующее влияние на судьбы всей Азии и Великого Океана».

Эти беглые заметки дают некоторое представление о необозримой широте и грандиозности наследия великого ученого, 120-летие со дня рождения которого отмечает наша общественность.

Copyrighted material

ВЕЛИКИЙ ВОИН АЛБАНИИ СКАНДЕРБЕГ

Пять веков отделяют нас от того времени, когда жил и боролся легендарный вождь албанского народа Георгий Кастриот, прозванный Скандербегом, который на протяжении десятилетий громил турецких захватчиков, нападавших на его родину. Его ратные подвиги изумляли современников. Память о Скандербеге всегда жила в албанском народе, помогая бороться против турецких, итальянских, немецких и иных захватчиков. А сейчас, когда Албания наконец обрела самостоятельность и строит новую, свободную жизнь, имя великого патриота албанского народа Скандербега особенно дорого ее сыновьям и дочерям. «Великий воин Албании Скандербег» * — так называется новый цветной художественный фильм, только что вышедший на экраны страны.

* Сценарий М. Папавы. Постановка С. Юткевича. Главный оператор — Е. Андриканис. Художник — И. Шпинель. Композиторы — Ю. Свиридов и Ч. Задея. Производство ордена Ленина киностудии «Мосфильм» и Государственной киностудии «Новая Албания». 1953 год.

Артист Тиранского государственного народного театра Наим Фрашери в роли крестьянина Паля, одного из ближайших соратников Скандербега.

Народная артистка СССР Верико Анджапаридзе в роли кормилицы Дафины и артистка Албанской государственной филармонии Адевие Алибали в роли Мамицы, сестры Скандербега.

Copyrighted material

Народный артист СССР Акакий Хорава в роли Георгия Кастриота, прозванного Скандербегом.

Дин, пастух, ставший воином (народный артист РСФСР Б. Тенин), разит врагов мечом, подаренным ему Скандербегом.

Copyrighted material

КРАСНАЯ

ШКАТУЛКА

Рассказ

С. АРЕФЬЕВ

Рисунки В. Высоцкого.

Сейф стоял в рабочем кабинете профессора Горяева.

На стене кабинета были смонтированы щиты с контрольными приборами. Какая-то незнакомая Колесникову аппаратура занимала часть огромного дубового стола. Как и всегда в отсутствии Горяева, здесь находился дежурный инженер, так как кабинет в силу специфики работы учреждения представлял из себя своеобразную диспетчерскую.

Горяев предложил инженеру выйти и подвел подполковника к сейфу.

Небольшой, но, вероятно, очень тяжелый несгораемый шкаф был мастерски выкрашен под дуб. По углам шли искусно выточенные деревянные витые колонки.

Сейф стоял на четырех чугунных ножках в виде львиных лап. Они были привинчены болтами к металлическим балкам, видневшимся в полу. В этом месте паркет был снят, и балки покоились на прочной бетонной основе.

— Вот ключ,—сказал Горяев.—Откройте сейф.

Колесников вставил ключ в замочную скважину, но все усилия повернуть его оказались тщетными.

— А теперь взгляните сюда,— сказал профессор, отодвигая бронзовую пластинку на дверце шкафа.

Открылось углубление и в нем хорошо знакомый Петру Васильевичу медный диск с буквами.

Подполковник едва не вскрикнул от удивления.

Окончание. См. «Огонек» № 5.

Между тем Горяев продолжал:

— В отверстиях внешнего круга вы видите буквы русского алфавита, а в отверстиях внутреннего — латинские буквы. Прежде чем повернуть ключ, нужно набрать четверостишие русского поэта конца XVIII века со всеми особенностями его орфографии. А по-латински — эпиграмму античного римского поэта в переводе на старофранцузский язык. Мало того: во французском тексте необходимо сделать две грамматические ошибки. Конструктор сейфа, видимо, в языках был не силен. Теперь вам надо иметь в виду вот что: сейф этот — моя собственность. И после смерти моего отца есть только один человек, который знает, какие стихи надо набрать, чтобы открыть эту махину. Этот человек — я. Другого способа открыть шкаф нет. Разве только подложить под него противотанковую мину.

— Это все так,— сказал Колесников.— А не может быть, что ваш отец когда-то поделился тайной сейфа еще с кем-нибудь?

— Ручаюсь, что нет! — убежденно ответил профессор.

— Ну, а сам мастер, сделавший сейф?

— Для чего? — возразил Горяев.— И потом — сейф сделан так давно. Вы знаете, чья это работа?

— Знаю,— сказал подполковник. — На сейфе должна быть табличка с надписью: «Санкт-Петербург. Мастерская сейфов купца первой гильдии Сабашникова».

Ученый с изумлением посмотрел на него.

— Однако у вас удивительная осведомленность! — воскликнул он.— Откуда вы это знаете?

Петр Васильевич предпочел не ответить.

— И набор вам известен? — спросил вдруг Горяев.

Подполковник рассмеялся.

— Вы уж слишком многого от меня требуете. Пока нет,— сказал он, подчеркивая слово «пока».— Должен вам заметить, Николай Владимирович,— продолжал Колесников,— что ваша слепая вера в надежность сейфа наверняка явилась одной из причин, которая привела к разглашению тайны. Почему вы не опечатываете сейф? Почему он стоит у вас в кабинете, а не в секретной комнате?

Николай Владимирович нахмурился.

— Если вы знакомы с сейфами Сабашникова, то ваш вопрос неуместен,— резко сказал он.

— Сабашников Сабашниковым, а вы вот нарушаете правила хранения секретных документов. И уверяю вас, именно это явилось причиной того случая, который доставил мне удовольствие познакомиться с вами,— ответил Колесников. Горяев оскорбленно молчал.— Ибо нет такой тайны, которая не могла бы быть раскрыта,— уже более мягко прибавил Петр Васильевич.— А теперь попрошу вас открыть сейф.

Долгое время в кабинете слышны были лишь щелчки механизма. Потом профессор легко нажал на ключ, потянул его на себя, и массивная дверца плавно открылась.

На верхней полке Колесников увидел толстую папку.

Горяев вынул ее, развязал шнурки и извлек сложенные вчетверо чертежи. Он развернул их и внимательно рассмотрел.

Вдруг руки его дрогнули. Он повернул к Колесникову бледное от волнения лицо и сказал прерывающимся голосом:

— Все двадцать чертежей целы, но... но вы правы: кто-то рылся в папке.

— Иначе и не могло быть,— сказал подполковник спокойно.— Какие признаки?

— Чертежи лежат не в той последовательности, которой я придерживаюсь: четвертый лист оказался под пятым.

— А вы сами не могли ошибиться, когда укладывали их в папку?

— Ни в коем случае! В мелочах я точен до педантичности,— и с горькой усмешкой ученый добавил: — К сожалению, только в мелочах.

Он нажал на кнопку звонка.

Явилась девушка-секретарь.

— Передайте Ивану Кирилловичу, чтобы сегодня же вечером сейф был перенесен в секретную комнату.

Девушка ушла.

— Что же теперь, Петр Васильевич? — спросил Горяев.— И, в частности, что я должен делать?

— Прежде всего ничего не предпринимать без совета со мной. Вот вы уже только что совершили ошибку, приказав перенести сейф. Злоумышленники догадаются, что преступление уже обнаружено. Отмените распоряжение.

Палец Горяева снова лег на кнопку звонка. Девушка вернулась.

— Вы еще не передавали моего распоряжения?

— Нет. Иван Кириллович будет только после обеда. Но я записала в блокнот и не забуду.

— Дайте мне блокнот.

Вырвав из блокнота листок с записью, Горяев сказал:

— Распоряжение отменяется. Я передумал. И никому об этом ни слова.

Когда девушка ушла, Колесников спросил:

— Вы уверены в ней?

— После того, что произошло, я ни в ком не могу быть уверен. Но Надежда Рачко, мне кажется, не только хороший секретарь и превосходный математик, но и безусловно честный работник.

Короткая летняя ночь прошла.

Рассветало. Профессор Горяев потушил свет и открыл окно. Густой табачный дым потянулся сквозь железные прутья оконных решеток на улицу.

В комнате стало свежо.

Начинался второй день следствия.

Несмотря на усталость, спать не хотелось. Полулежа в кресле, Колесников отдыхал, изредка затягиваясь дымом папиросы.

Горяев сидел за столом, подперев голову руками.

— Итак, сейф — ваша наследственная собственность, Николай Владимирович,— сказал подполковник, продолжая разговор.— Он был, вероятно, изготовлен Сабашниковым по заказу вашего отца?

— Да,— ответил Горяев.— Отец же дал текст для секретного механизма. А две ошибки в старофранцузском стихотворении вкрались по вине слесаря.

— Расскажите мне что-нибудь об этом Сабашникове.

— Извольте,— сказал Горяев.— История интересная. Сабашников был искусным мастером потайных шкатулок и сундуков, на которые так падки были богатые купцы.

Разбогатев и открыв мастерскую, Сабашников собрал мастеров этого дела и стал изготовлять сейфы уже не только для купечества, но и для многих вельмож Российской империи.

Купец был не лишен тщеславия и любил рассказывать своим заказчикам любопытную историю об одной из своих шкатулок. Некий российский дипломат, желая подшутить над английским министром, оставил будто по забывчивости в его кабинете шкатулку с документами, содержанием которых министр весьма интересовался.

Лорд обрадовался «рассеянности» русского посла, вызвал опытных мастеров и приказал им открыть шкатулку. Всю ночь они трудились, но замок не поддался их усилиям.

Copyrighted material

Утром наш дипломат заехал за шкатулкой и с невинным видом промолвил: «А шкатулка, между прочим, сделана Сабашниковым, лучшего мастера по замкам во всем мире нет».

Зенита славы мастерская Сабашникова достигла, когда купец сумел заполучить к себе молодого талантливого мастерового Савелия Капусто, неистощимого в выдумке. Капусто будто бы и изобрел своеобразное устройство, позволяющее открыть замок только после набора букв, расположенных в определенном порядке.

Мой отец работал инженером-механиком на Путиловском заводе и иногда консультировал Сабашникова по техническим вопросам. В благодарность за это купец сделал для отца вот этот сейф, над замком которого долго трудился знаменитый Капусто,— закончил Горяев свой рассказ.

* * *

В тот же день поздно вечером Колесников уехал в Ленинград.

Сидя на мягком диване в вагоне «Красной стрелы» и глядя на проносившиеся в серебристом тумане пейзажи, Колесников неотступно думал о сейфе.

«Как мог преступник узнать секрет наборного механизма?»

Прямо с поезда Петр Васильевич отправился на Невский проспект в Публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина. Здесь он потребовал комплекты «Санкт-Петербургских ведомостей».

Долго он рылся в пожелтевших от времени газетах, долго вчитывался в длинные столбцы объявлений. Наконец откинулся на спинку стула и с удовлетворением погладил свою остриженную голову. Перед ним лежало объявление купца Сабашникова.

Когда Колесников поехал по этому адресу, то оказалось, что помещение бывшей мастерской уже тридцать лет занято детским садом. Петр Васильевич, разумеется, и не рассчитывал на то, что мастерская сохранилась, но он питал некоторую надежду на то, что в тех краях, быть может, живет кто-нибудь из бывших рабочих мастерской.

Однако все эти кварталы были застроены новыми пятиэтажными домами. Исчезла самая память о старой мастерской хитроумных шкатулок.

После некоторого размышления подполковник отправился в городской промышленный архив.

Только на второй день ему удалось докопаться до мастерской Сабашникова. Из документов явствовало, что она существовала до 1913 года и после смерти купца закрылась.

В материалах оказался драгоценный документ. Увидев его, подполковник не смог сдержать радостного волнения: это был список рабочих мастерской Сабашникова.

Вскочив в машину, Колесников помчался в адресный стол.

Из девятнадцати фамилий, значившихся в списке, сотрудник адресного стола смог разыскать только одну.

Петр Васильевич с трудом поверил своим глазам, прочитав на бланке адрес Савелия Федоровича Капусто, человека, которого он еще день назад считал лицом мифическим.

И вот перед Колесниковым знаменитый сабашниковский умелец.

Глубокий старик, в очках, встретил Петра Васильевича на пороге квартиры и провел в комнату, уставленную мебелью, такой же старой, как и ее владелец.

Колесников изложил свою просьбу: не сможет ли Савелий Федорович помочь ему установить текст набора сейфа, изготовленного в 1895 году для инженера Горяева?

Старик с удивлением посмотрел на подполковника.

Потом он протянул руку к этажерке и взял узкую конторскую книгу в потертом переплете зеленой кожи. Полистав ее, Савелий Федорович дребезжащим голосом медленно прочитал два четверостишия: русское и французское.

Записав их, Колесников сказал:

— Я понимаю, почему вы с таким удивлением посмотрели на меня.

Старик поднял брови:

— Почему?

— Вы подумали: что за внезапный взрыв интереса к этому сейфу? Ведь за последнее время я второй человек, который спрашивает у вас текст этого набора, правда?

Колесников улыбался и пытливо смотрел на старика.

— Ах, вы, значит, знаете этого молодого человека? — воскликнул Савелий Федорович.

Круг сужался. Подполковник вынул из портфеля пачку фотографий. Но, прежде чем показать их Савелию Федоровичу, он попросил:

— Расскажите мне об этом молодом человеке.

Савелий Федорович вопросительно посмотрел на подполковника:

— А что? Он разве жуликом оказался?

— Жуликом, Савелий Федорович, и притом первостатейным.

Старик покачал головой.

— А ведь по наружности такой деликатный, скромный. Да и вообще я ведь не делаю тайны из описания моих замков. А он меня, представьте, уверил, что собирается купить сейф у вдовы Горяева, но старуха якобы не знает, как его открыть. А что, пострадал кто-нибудь? Если бы я знал...

— И вы ему сообщили тексты набора?

— Не счел нужным утаить. Тут,— Капусто похлопал по книге,— записаны шифры ко всем моим замкам. Книгу составил еще хозяин. После его смерти она осталась у меня. Все ж таки моя работа. Не одну бессонную ночь я просидел над этими замками.

Петр Васильевич успокоительно качнул головой:

— Это понятно. Ну, а про ключ тот человек не спрашивал?

— Спрашивал. Я же ему и объяснил, что в самом сейфе есть потайное место, где хранится ключ.

— Мне остается спросить,— сказал Колесников,— как фамилия этого молодого человека?

— Он не назвался, а я, признаться, и не спрашивал,— сказал Капусто.— Он заявил, что отыскал меня через адресный стол.

«Значит, не мне одному Горяев рассказывал историю сейфа»,— мелькнуло в голове у Колесникова.

Он положил перед стариком несколько фотографий.

— Вот! — указал Савелий Федорович.

С фотографии глядело невыразительное лицо с тонкими губами и пышной шевелюрой. На обороте снимка было написано: «Техник телевизионного узла И. М. Марков».

Уже в дверях, уходя от старого мастера, Колесников сказал:

— Еще один вопрос, если позволите, Савелий Федорович. В 1895 году офицер Пустоглазов заказал Сабашникову секретную шкатулку. Мне кажется, что и она вашей работы.

Старик снова открыл книгу и через минуту ответил:

— Моей.

— Ну так эта шкатулка находится у меня, и мне ее тоже не открыть.

— Пишите. Здесь покороче. Только одна фраза.

* * *

За час до того, как Колесников позвонил у дверей Савелия Федоровича, в Москве, на Киевском вокзале, произошло вот что. Молодой человек с пышной шевелюрой и тонкими губами был задержан во время посадки в поезд дальнего следования. При нем оказалось служебное удостоверение на имя техника телевизионного узла Маркова.

На допросе он пробовал запираться. Но под давлением неопровержимых улик сознался.

Марков устроился на работу в институте по заданию иностранной разведки. Цель его была завладеть секретными чертежами. Техник стал ухаживать за секретарем Горяева Надеждой Рачко и от нее узнал о папке с чертежами важного изобретения, которую директор тщательно охранял. Надежда Рачко проговорилась об этом Маркову, рассказывая во всех подробностях любопытную историю сейфа Горяева, услышанную от профессора.

Будучи командирован в Ленинград, Марков решил попытать счастья. Зайдя в адресный стол и придумав жалостливую историю о внуке, разыскивающем своего деда, он уговорил сотрудницу стола дать ему адреса всех Савелиев Капусто, проживающих в Ленинграде.

Выведать у старого мастера тайну сейфа Маркову удалось без труда, и он приехал в Москву, имея уже вполне сложившийся план. Шпион не имел права компрометировать себя неосторожными поступками: его задание предусматривало длительную службу в стенах института.

Марков долго ломал голову над тем, как похитить чертежи. Все обычные способы оказывались здесь неприменимыми.

В самом деле: для того, чтобы перевести чертежи на кальку, требовалось несколько дней упорной работы за чертежным столом, а это грозило неминуемым разоблачением. Наконец кальку невозможно было пронести незаметно через проходную.

Нельзя было и сфотографировать чертежи, так как сотрудникам запрещалось являться в институт с фотоаппаратами.

Тогда-то шпион и решил использовать телевизионный передатчик. Сам техник телевизионного узла, Марков хорошо знал его технические возможности. Незаметно пристроив к аппарату сравнительно небольшое приспособление, он рассчитал, что таким образом он сможет на некоторое время увеличить дальность передачи.

У Маркова был сообщник. Он расположился с телевизором в одном из домов по соседству с институтом. Специальное приспособление повышало чувствительность его приемника. В условленный час сообщник должен был сфотографировать с экрана изображение чертежей.

Таков был план, тщательно разработанный преступниками.

Они решили осуществить его в период очередной командировки Горяева во время де-

Copyrighted material

журства Надежды Рачко в кабинете профессора. К этому дню шпион успел закончить техническую подготовку передач и получил из слесарной мастерской заказанный им ключ для сейфа.

Казалось, все было предусмотрено. Накануне Марков выпросил у начальника узла работу, связанную с многочисленными математическими вычислениями. Сделано это было для того, чтобы удалить из кабинета директора Надежду Рачко.

Так он и сделал. Он попросил девушку произвести несколько сложных математических расчетов. Для этого она должна была спуститься на второй этаж, где находились вычислительные машины.

Как только девушка вышла, шпион молниеносно открыл сейф, вынул папку с чертежами и положил ее в свою рабочую сумку.

Надежда вернулась. Марков поблагодарил ее и уединился в одну из пустующих в этот час лабораторий под тем предлогом, что ему необходимо сосредоточенно поработать над вычислениями.

Запершись на ключ, шпион подключил к кабелю, проходящему через лабораторию, портативный съемочный аппарат. А кабель был им заранее соединен с передатчиком. Затем Марков вынул чертежи и стал один за другим передавать их в эфир.

Но, приступив к передаче шестого чертежа, Марков увидел, что контрольная лампочка на аппарате потухла. Это означало, что приспособление, сконструированное им на передатчике, сгорело. Следовательно, посылка изображения в эфир прекратилась.

Беззвучно выругавшись в досаде на свою оплошность, техник быстро уложил чертежи в папку и при этом перепутал их последовательность.

Оказалось, что приспособление полностью выведено из строя и ремонт потребует нескольких дней. Марков снял приспособление, чтобы не возбуждать подозрений.

Ему удалось положить чертежи обратно в сейф во время своего дежурства, когда Надежда Рачко опять вышла из кабинета. Это было накануне возвращения Горяева из командировки. Преступник надеялся, что через несколько дней снова наступит удобный момент для передачи.

Но в это время Колесников начал свое расследование. Это спугнуло шпиона. Он пытался бежать, но благодаря предусмотрительности Петра Васильевича был задержан на вокзале.

На квартире у его сообщника нашли фотоснимки пяти чертежей и приспособление, увеличивающее чувствительность телевизора.

* * *

— В какой момент вы заподозрили Маркова? — спросил профессор Горяев, когда они с подполковником, уединившись в кабинете, перебирали обстоятельства дела.

— В первый же день расследования... Не то, чтобы заподозрил, а начал присматриваться.

— Почему? Что в нем привлекло ваше внимание?

— Как бы вам объяснить это... Я установил несколько фактов. Каждый из них, взятый отдельно, выглядел вполне невинно. Но в совокупности...

— Что же это за факты?

— А вот смотрите. Факт номер один. Я узнаю из беседы с Надеждой Рачко, что, будучи дежурной, она ушла из вашего кабинета. Причина ухода: просьба Маркова... Я проверил время ее отсутствия: оказалось, что оно совпадает с началом телепередачи, принятой Афанасьевым.

— Да...— задумчиво проговорил профессор.— Хотя это могло быть и случайностью.

— Могло,— согласился подполковник.— Но вот факт номер два. Я узнаю, что Марков в начале месяца находился более недели в командировке в Ленинграде, то есть в том городе, где был сделан сейф.

— Само по себе...— начал Горяев.

— Само по себе,— подхватил Петр Васильевич,— это еще ничего не значит. Но вот факт номер три. Марков является техником телевизионного узла института и, следовательно, имеет постоянный доступ к передатчику. Сопоставьте это все... Специалист по телевидению посещает город, где был сделан сейф с секретным замком. Затем он удаляет человека из комнаты, где стоит сейф, как раз в те часы, когда было совершено преступление. Этого достаточно, чтобы такой человек обратил на себя внимание, хотя еще недостаточно, чтобы его заподозрить. Тем более, что во время допроса Марков ничем не выдал себя и весьма естественно объяснил свое поведение в тот вечер.

— Да мне и в голову не пришло бы...

— Тем не менее,—продолжал Колесников,— я организовал за ним наблюдение и дал указание задержать его в том случае, если он попытается уехать из города.

— А ваша поездка в Ленинград?

— На нее меня натолкнула командировка Маркова. Если предположить, рассуждал я тогда, что Марков — преступник, то, несомненно, именно в Ленинграде он нашел людей, открывших ему секрет механизма вашего сейфа. Я решил проверить эти соображения.

— А ключ...— начал профессор.

— О, нет ничего легче! — живо перебил его Петр Васильевич.

Он нагнулся и с силой надавил на один из витков правой колонки сейфа. Кусок дерева со скрипом отошел в сторону, и Колесников указал ему на отполированную поверхность, где виднелось углубление, точно передававшее рисунок ключа.

— Этот секрет Маркову открыл Капусто,— продолжал подполковник,— и техник в одно из своих дежурств сделал парафиновый слепок, по которому и был изготовлен второй ключ.

* * *

Красная шкатулка попрежнему стоит на бамбуковой этажерке.

Но рассказ, которым Петр Васильевич потчует своих гостей, стал длиннее и интереснее. Теперь подполковник быстро набирает на вертящемся диске какие-то слова, поворачивает ключ — и шкатулка со звоном распахивается.

— Интересно, какие же это слова? — любопытствуют гости.

— А очень простые,— отвечает Колесников,— старая русская пословица: «Не зная броду, не суйся в воду».

Стихи без названия

Н. УШАКОВ

Яблони цветут в Ашага-Стале [1].
Пчелы прилетают налегке,
лепестки роняют,
как роняли
при хорошем нашем старике.

Здесь в саду бродил он снова,
снова,
останавливался,
вновь ходил,
самое существенное слово,
громко вскрикивая,
находил.

Голос громче был,
сильней волненье,
образ ярче —
чувствовал поэт:
оформляется стихотворенье,
мысль ясна,
а вот названья нет.

Лепестки летели осторожно:
не спугнуть бы строчку старику.
Именно они,
это возможно,
залетали рифмою в строку.

И не рифмой,
не редифом [2] даже, —
мыслью, —
в ней поэта мастерство.

И о чем стране весною скажет
лепесток,
летящий вкруг него!

Хорошо трудиться Сулейману.
Дело подвигается вперед.
— Дружбу я узнал,
не перестану
петь о ней,
пусть яблоней цветет!

Песню слушают сперва лезгины.
Но все шире,
дальше
песни бег.
— Яблоня моя среди долины
под горою,
на которой снег!

Хорошо,
отрадно петь ашугу.
Песня-радость только родилась,
а уже спешит
в Дербент,
в Калугу,
с Тулою поддерживает связь.

Яблоневый цвет
везде,
повсюду,
он в Москве,
он говорит Кремлю:
— То, что я узнал,
не позабуду,
то, что полюбил,
не разлюблю.

[1] Родной аул Сулеймана Стальского.
[2] Редиф — слово или несколько слов, повторяющихся вслед за рифмой в стихе.

Copyrighted material

Полет на лыжах

Прыжки на лыжах с трамплина — одно из самых увлекательных и волнующих спортивных зрелищ. Когда видишь прыгуна, поднявшегося на многометровую высоту, готового к спуску по крутой снежной эстакаде, когда он, присев, проносится вниз, развивая огромную скорость, кажется, что спортсмен неизбежно должен утратить власть над своими действиями. Но вот склон эстакады переходит в короткую прямую линию «стола». Обрыв! Спортсмен отталкивается и, наклонившись вперед, взмахивая руками, словно крыльями, продолжает свое движение в воздухе.

Хозяин скорости, он летит, и никакие силы не могут прервать его полета.

Константин Кудряшов в 1940 году, прыгая с красноярского трамплина, пролетел по воздуху 82 метра, установив всесоюзное достижение. Сильнейший прыгун страны Юрий Скворцов нынешней зимой превысил мощность нового московского трамплина, построенного на Ленинских горах. Максимальная длина прыжка на этом трамплине — 60 метров. Скворцов на контрольной тренировке пролетел 69 метров.

Но на соревнованиях учитывается не только дальность полета, но и красота самого прыжка — положение тела в воздухе. Движения спортсмена во время полета должны быть плавными и мягкими.

Участники международных товарищеских соревнований — норвежский прыгун Т. Фальканrер, занявший первое место (справа), и советский прыгун Е. Грозин, занявший третье место.

Спорт больших скоростей основан на точнейшем математическом расчете. Спортсмены, совершающие прыжки, должны быть знакомы с основами аэродинамики, для того чтобы в полете придать своему телу обтекаемое положение, максимально уменьшая лобовое сопротивление воздуха.

Лыжнику нужно обладать безукоризненной реакцией: уметь координировать свои движения в кратчайшие сроки — на скорости, достигающей 100 километров в час. Поэтому, прежде чем получить право на прыжок с большого трамплина, молодые спортсмены проходят всестороннюю подготовку. Они занимаются

На снимках слева: прыжок Юрия Скворцова с земмерингского трамплина (Австрия). В его полете чувствуются уверенность, стремительность, сила.

Сильнейшие прыгуны страны направляются на тренировку. Слева направо: Ю. Скворцов, Н. Каменский, Н. Копылов, тренер заслуженный мастер спорта В. Андреев, В. Шенаев, А. Лебедев, Н. Колобов, П. Гавва.

Фото заслуженного мастера спорта П. Дементьева, А. Бочинина и М. Боташева.

Copyrighted material

Большой московский трамплин.

На старте Ю. Скворцов.

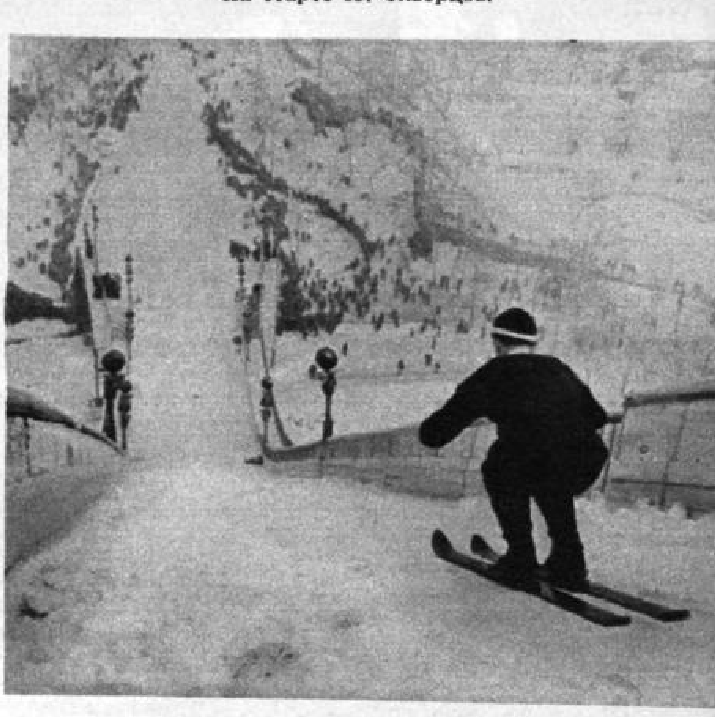
гимнастикой, греблей, легкой атлетикой. В тренировку прыгуна входят баскетбол, акробатика, слалом. Много сотен прыжков с небольших трамплинов совершают новички, прежде чем им дается право на большой полет.

С юношеских лет возникает любовь к этому замечательному, мужественному спорту. И не случайно среди двенадцати сильнейших прыгунов страны, входящих в сборную команду СССР, мы встречаем пятерых воспитанников горнолыжной школы на Ленинских горах. Чемпион страны Юрий Скворцов, его друзья и постоянные соперники Николай Каменский, Николай Копылов, Борис Шенаев, Виктор Афанасьев выросли на Ленинских горах. Среди лучших прыгунов страны — кировчанин Е. Грозин, уральцы Адольф Задорин и Евгений Самохвалов, уроженец Бакуриани Коба Цакадзе, горьковчанин Анатолий Лебедев.

Прошлой зимой советские прыгуны впервые приняли участие в крупных международных соревнованиях. В Земмеринге — в Австрии — они встретились с сильнейшими горнолыжниками Европы на студенческих играх, и Юрий Скворцов завоевал первое место. В январе нынешнего года советские прыгуны получили возможность испытать свои силы на международных соревнованиях в Москве. На новом трамплине, поднявшем свои стальные конструкции над склонами Ленинских гор, прыгуны СССР встретились со спортсменами Норвегии, Финляндии, Польши и Чехословакии.

Каждый прыжок участников соревнований был великолепным сочетанием смелости и мастерства. Сильнейшие прыгуны Европы норвежец Т. Фалькангер и финн В. Салменранта выдвинулись вперед. Е. Грозин, занявший третье место, и Ю. Скворцов, оказавшийся четвертым, показали также высокое искусство. В первую «десятку» вошли и другие советские спортсмены — Б. Шенаев, Е. Самохвалов и К. Кудряшов.

...Всего 10—12 секунд проходит с того момента, когда спортсмен, взяв старт, устремившись вниз по эстакаде, пролетев несколько десятков метров по воздуху, приземляется далеко внизу, на склоне горы, но сколько ярких, волнующих впечатлений дает этот прыжок и самим спортсменам и многочисленным зрителям!

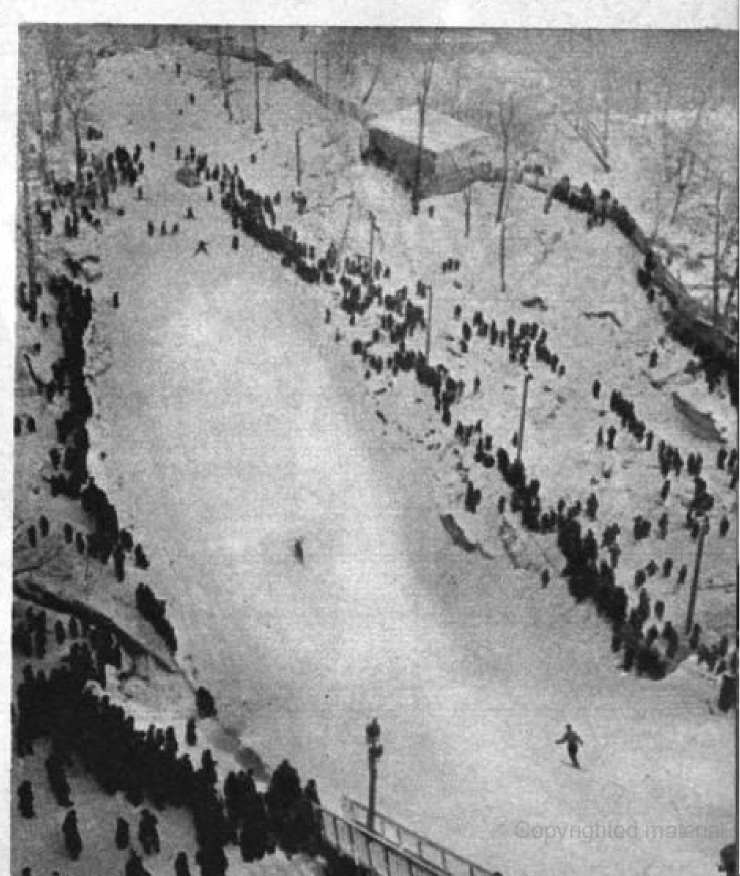

Присев, лыжник устремляется вниз.

Николай Каменский — один из лучших «стилистов». Он отлично владеет своим телом в воздухе.

Прыжок закончен.

Copyrighted material

Поет Тамара Ханум

Друг мой, что с тобой! Почему не идешь к нам в круг, не поешь вместе с нами? [Грузинская песня.]

Дружба народов — этими словами определяется тема концертов народной артистки Узбекской ССР Тамары Ханум. Певица, танцовщица, драматическая артистка, она исполняет танцы и песни шестнадцати союзных республик, песни и танцы стран народной демократии и борющегося Востока.

Танцуя, она поет. Песни ее сопровождаются плясовыми движениями, поясняющими текст. Бережно, сохраняя манеру исполнения каждого народа, Тамара Ханум как бы создает на сцене маленькие рассказы — грустные и смешные, гневные и мужественные. В них она говорит о влюбленных девушках и отважных воинах, мудрых старухах и озорных девчонках. Артистка поет о радости освобожденного труда в Советской стране и в странах народной демократии, о тяжкой жизни народов капиталистических стран. Жизнерадостностью и лирикой, тонким юмором и драматизмом насыщено творчество Тамары Ханум.

В своих песнях-танцах артистка добивается большого искусства перевоплощения. Имя Тамары Ханум широко известно не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Артистка демонстрировала свое мастерство перед зрителями Китая и Кореи, Индии и Ирана, Чехословакии и Польши, Румынии и Албании, Англии и Франции, Германии и Норвегии.

Л. ВИЛЬВОВСКАЯ
Фото Е. Умнова.

← Народ мой, дочь твоя поет тебе славу... [Индийская песня.]

→ Ты просыпаешься раньше срока. Ты собираешь белое золото — хлопок. Тебе подражают молодые, тебя уважают старики, тобой гордится вся наша страна. [Узбекская песня-танец. Посвящена знатному хлопководу Яхшигуль Атабаевой.]

→ Приди ко мне, о милый юноша из Узбекистана! [Песня «Украина и Узбекистан».]

← Я встретил тебя в темном переулке. Ты сказала мне, что ты из Герата, и молча прошла мимо... Я люблю, я страдаю... [Афганская песня.]

← Милые сватушки, мы хотим женить сына на вашей дочке... [Армянская песня.]

→ Торади, торади, сладкие белые корни! Мы очень любим собирать их... Когда собираешь торади, очень ярко светит солнце и пышно цветут цветы. [Корейская песня.]

Copyrighted material

Вещи, которые нравятся

Он вам понравится с первого взгляда. Посмотрите, как искусно подобраны узоры орехового дерева, как отполирована поверхность. Замечательный книжный шкаф!

— Но это не только книжный шкаф,— говорит нам Юрий Борисович Соловьев.

И тут со шкафом начинаются удивительные превращения.

Зеркальное стекло, закрывавшее верхние полки, опускается вниз, точно так же, как откидной стул в поезде,— и становится крышкой стола: садитесь, работайте. Здесь у вас все под руками: книги на полках, бумага и чернильный прибор справа, в специальной нише. В самом центре шкафа, над столом, выдвигается лампа дневного света и сразу же загорается без всякого включения. Задвиньте лампу, и она автоматически потухнет.

Юрий Борисович нажимает кнопку — левая нижняя часть шкафа открывается, словно крышка огромного портсигара, и оттуда выдвигается... кровать с матрацем. Остается только застелить ее. Изголовье освещено мягким светом той же люминесцентной лампы. Если хотите, можете перед сном почитать.

Еще одно небольшое усилие — и рядом с кроватью из «утробы» шкафа появляется ночной столик с тумбочкой.

Этот комбинированный шкаф сделали работники архитектурно-художественного бюро Министерства транспортного и тяжелого машиностроения.

Начали с простого: купили кресло и стали соображать, что в нем хорошо и что плохо. Соорудили новое кресло, и покупатели остались им довольны. Затем появился комод; он оказался более удобным, чем многие другие. Он был не только комодом, но и подставкой для телевизора.

Заведующий мебельным филиалом Центрального универмага сразу же сообщил:

Универсальный комбинированный шкаф. Фото Е. Тиханова.

— Товар отличный, расходится быстро, давайте побольше.

Потом была выпущена и другая мебель: шкаф для платья и белья, двуспальная кровать, стол.

Окрыленные успехом, работники архитектурно-художественного бюро принялись конструировать комбинированную мебель. С «первенцем» этой серии — книжным шкафом — мы уже познакомились. Серийный выпуск скоро начнется в Ужгородской экспериментальной мастерской архитектурно-художественного бюро.

Не забыли архитекторы и о маленьких гражданах нашей страны. Для них сделан специальный «детский уголок».

Проверить эту работу доверили строгому «экзаменатору» — ученице 3-го класса Ире Леонтьевой. Ире все нравится: и полочка для книг, и ящик для игрушек, и отделение для учебников. Но особенно понравились девочке выдвижной стол с электрической лампочкой, шкаф для одежды и кровать. «Детский уголок» одобрен!

— Здесь даже «в угол» можно ставить провинившихся,— делает Ира открытие, о котором не подозревали конструкторы.

Комбинированную мебель спроектировали начальник архитектурно-художественного бюро Юрий Борисович Соловьев, архитекторы Светлана Ивановна Логинова и Георгий Николаевич Бочаров, инженеры Александр Павлович Володин и Алексей Михайлович Павленко.

Вл. РУДИМ

МАСТЕРА ПРИЧЕСОК

Урок «продолжительной завивки» (справа налево): инструктор Г. А. Федосов и слушатели А. И. Пронина и С. М. Патент.

Электрические провода, переплетаясь и ниспадая с головы, струятся к штепсельным розеткам. Девушку окружают трое сосредоточенных людей в белых халатах. Рядом, над другим креслом, склонилось еще трое. Поодаль виднеются несколько таких же групп.

Что же здесь происходит? Почему над каштановыми прядями одной девушки трудятся три парикмахера?

Идет урок «продолжительной завивки» в Повышенной школе парикмахеров Министерства коммунального хозяйства РСФСР.

В сверкающем зеркалами, богато убранном зале царит тишина. Изредка ее нарушают отрывистые, лаконичные фразы преподавателей: «Чем крупнее трубка, тем крупнее завивка», «Спокойнее, не торопитесь», «Ведь у вас горизонтальная завивка, а не вертикальная...» Поучения пересыпаются профессиональными терминами: «пучки», «волны», «бигуди», «боковая с пробором», «плетеный валик», «венок»...

Инструктор Георгий Алексеевич Федосов взыскателен и настойчив. Малейшее упущение не ускользает от его внимания. Мастера из Тулы и Сталинграда, внимая советам руководителя, накладывают последние штрихи на прическу.

Знатоки женских причесок съехались в Москву из разных городов республики, чтобы повысить свое мастерство. Среди слушателей есть отличные мастера своего дела. Мы наблюдаем, как работает подольская мастерица Клавдия Голикова. Ловко и споро, неуловимо быстрыми движениями рук укладывает она локоны. Все делается так умело и мягко, что посетительница успевает даже немножко вздремнуть.

— Зачет принят! — говорит инструктор и делает пометку в записной книжке.

Во время зачетов парикмахеры не раз ссылаются на книгу М. Н. Тихонова «Парикмахерское дело. Женский зал». Автор этой книги тесно связан со школой.

Кто-то из слушателей замечает:

— Нет, что ни говорите, а над мужской головой легче работать...

Ему предлагают заглянуть в соседний зал.

Мастер Филиппов озабоченно изучает мужскую шевелюру, медленно кружит у кресла, приговаривая:

— Что же мы будем делать с такой прической?..

Семнадцать лет существует Повышенная школа. Сотни парикмахеров третьего, высшего, разряда вышли из ее стен. Преподают здесь старейшие московские мастера. Впрочем, штатных педагогов все-таки мало. Школа не располагает достаточным количеством новейших инструментов.

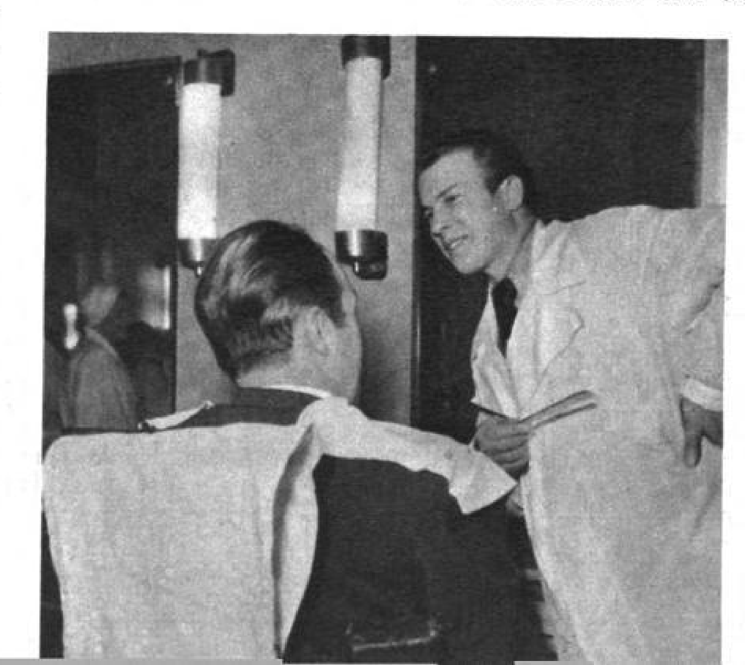
Раньше курс был рассчитан на три года. Помимо общих предметов, тут изучали и другие дисциплины, в частности, театральные прически, историю одежды. Во время войны школа готовила мастеров стрижки и бритья для армии. После войны ввели десятимесячный курс обучения. И, пожалуй, зря. Не потому ли даже в лучших наших парикмахерских не так уж много хороших мастеров?

С. БОГОРАД

Фото Е. Тиханова.

Перед работой проверь бритву! — неписанная заповедь парикмахеров.

— Как быть с такой прической? — раздумывает мастер В. С. Филиппов.

К. Г. Голикова сдает зачет.

Странички прошлого

К характеристике Скалозуба

В третьем действии комедии «Горе от ума» Чацкий характеризует Скалозуба:

> Хрипун, удавленник,
> фагот,
> Созвездие маневров
> и мазурки!

И. Д. Гарусов, один из первых комментаторов комедии Грибоедова, объяснял, что «Чацкий указывает этими словами на густой и басистый голос Скалозуба, который в комнате казался хриплым. Он сравнивает этот голос с фаготом... Тон фагота низкий, басистый». Пояснение Гарусова, варьируя, повторяют и другие комментаторы, указывая, что слова Чацкого прежде всего характеризуют голос Скалозуба, охрипший от воинских команд; хрип «удавленника», потому что воротник мундира сжимает его горло. Поэтому не удивительно, что Скалозуб, как это отметил в одной из своих статей академик В. В. Виноградов, «нередко хрипит на русской сцене, как фельдфебель с перепою. Кажется, почему бы ему и не хрипеть, раз Чацкий называет его «хрипуном».

Однако слово «хрипун» взято Грибоедовым из офицерского жаргона начала XIX века. Знаток истории русского быта, М. И. Пыляев в своей книге «Старое житье» (1895) пишет: «Офицеров, которые отличались светскою ловкостью и французским языком, называли «хрипунами»; прозвали их так за картавое произношение буквы «р», в чем они старались подражать парижанам.

Современник Грибоедова П. А. Вяземский рассказывает, что командир одного из конногвардейских полков Раевский, «краснобай и балагур... обогатил гвардейский язык многими словами и выражениями, которые долго были в ходу и в общем употреблении... Слово хрип также его производства; оно означало какое-то хвастовство, соединенное с высокомерием и выражаемое насильственною хриплостью голоса». А. С. Пушкин в поэме «Домик в Коломне» (в одной из строф, не вошедших в печатный текст) противопоставляет «хрипунов», «красавцев молодых», то есть великосветских гвардейцев, «старичкам кривым» из Ширванского пехотного полка, получившего ряд боевых отличий в войнах с Персией и Турцией в 1826—1829 годах, тогда как гвардейские части потерпели ряд поражений.

Эпитеты «удавленник», «фагот» характеризуют не столько хриплый голос Скалозуба (по ремарке Грибоедова — густой бас), сколько внешний облик офицера-фанфарона, затянутого в мундир с узкой талией. Сам Скалозуб говорит, что в Первой армии, к которой он принадлежит, «всё так прилажено, и тальи все так узки». Сравнение его с фаготом, как это уже отмечено комментаторами, основано на том, что этот духовой инструмент очень узкий и длинный, и намекает еще на высокий рост Скалозуба, которого Хлёстова называет: «трех сажен удалец».

Словами «созвездие маневров и мазурки» Чацкий еще раз подчеркивает светскую внешность самодовольного «хрипуна» Скалозуба, делающего свою карьеру на маневрах и балах.

И. П. Киселевский (80-е годы) играл Скалозуба во втором акте комедии в двубортном сюртуке с узкой талией и мастерски танцевал мазурку в сцене бала у Фамусова.

Н. АШУКИН

Писатель и музыкант

Не все знают, что А. С. Грибоедов был композитором и пианистом.

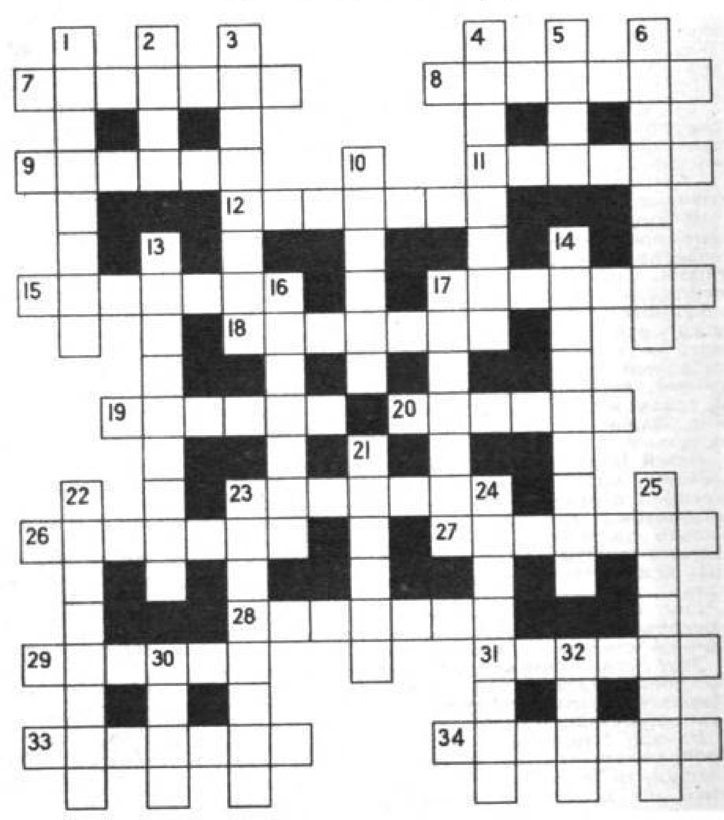
Грибоедов получил солидное музыкальное образование у композитора и теоретика И. Г. Миллера, жившего в Петербурге. Писатель проявлял серьезный интерес к теоретическим вопросам музыки и занимался ими совместно со своим другом В. Ф. Одоевским, известным русским музыковедом. Александр Сергеевич был дружески связан с композиторами М. И. Глинкой, А. Н. Верстовским, М. Ю. Виельгорским, А. А. Алябьевым, высоко ценившими его музыкальное дарование.

Музыкальных произведений А. С. Грибоедова сохранилось очень немного. В 1832 году в «Лирическйй альбом», изданный в Петербурге И. Ласковским и Н. Норовым и являющийся ныне библиографической редкостью, были включены два вальса Грибоедова, написанные в начале 20-х годов. Оценивая «Лирический альбом», рецензент, очевидно, лично знавший автора, писал в газете «Молва» (№ 6 от 19 января 1832 года): «Танцовальное отделение очень слабо. В нем заслуживает внимания только вальс ми-минор Грибоедова, давно известный, но до сих пор не теряющий своей свежести по отличной своей мелодии. Автор сам игрывал эту безделку с отличным искусством».

Как и многие литературные произведения Грибоедова, его музыкальные пьесы также распространялись в списках задолго до их напечатания.

Л. СВЕТЛОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Доктор медицины, лауреат международной Сталинской премии. 8. Отдельная область деятельности. 9. Северная птица. 11. Сильный дождь. 12. Требование, предъявляемое одной из договаривающихся сторон. 15. Русский писатель-революционер. 17. Минерал. 18. Русский певец. 19. Советский художник-баталист. 20. Страница в наборе, в печатном издании. 23. Африканское млекопитающее. 26. Ряд полок в несколько ярусов. 27. Непроизвольная реакция. 28. Крупный железнодорожный узел между Ленинградом и Москвой. 29. Продольные нити в ткани. 31. Химический элемент. 33. Персонаж романа Л. Н. Толстого. 34. Соус.

По вертикали:

1. Любитель старинных предметов. 2. Зверек с ценным мехом. 3. Созвездие северного неба. 4. Русский физик. 5. Персонаж комедии А. П. Чехова «Вишневый сад». 6. Специальность служащего. 10. Горная порода. 13. Кривая из числа конических сечений. 14. Птица. 16. Областной город в РСФСР. 17. Соглашение. 21. Математическая величина. 22. Официальный документ. 23. Ягода. 24. Средство связи. 25. Представитель одного из народов Советского Союза. 30. Плод некоторых деревьев. 32. Город во Франции.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

4. Генерал. 7. Серотерапия. 10. Проза. 11. Почта. 16. Барий. 17. Граната. 18. Страж. 19. Сталактит. 20. Бульдозер. 22. Свирь. 23. Бумазея. 24. Болид. 27. «Искры». 28. Ортит. 31. Содружество. 32. Маслина.

По вертикали:

1. Бетон. 2. Ренессанс. 3. Палаш. 5. Пемза. 6. Бизон. 8. Артиллерист. 9. Статмология. 12. Застава. 13. Артикул. 14. Штауфер. 15. Камелия. 21. Караджале. 25. Ершов. 26. Драва. 29. Орлан. 30. Осень.

ВЫСОТНОЕ СОЗДАНИЕ

— Папа, а ее тоже недавно построили?

Рисунок Д. Бабиченко.

Между прочим...

Как пишутся симфонии

Один юноша спросил у Моцарта, как писать симфонию. Моцарт сказал:

— Вы еще очень молоды. Почему бы вам не начать с баллад?

Юноша возразил:

— Но вы ведь начали писать симфонии, когда вам было всего десять лет.

— Да,— ответил Моцарт,— но я никого не спрашивал, как их надо писать.

Гете и критик

Гете прогуливался по парку в Веймаре. На дорожке, по которой мог пройти только один человек, ему встретился некий критик, резко отзывавшийся о его произведениях. Когда оба пешехода сблизились, критик высокомерно произнес:

— Я никогда не уступаю дороги дуракам!..

— А я наоборот...— сказал Гете и с улыбкой отошел в сторону.

Из почты «Огонька»

Подставка для календаря

У нас многие любители выпиливают из дерева различные изделия.

Я выпилил из фанеры подставку для отрывного календаря с контуром памятника Богдану Хмельницкому в Киеве.

Посылаю вам снимок этой работы. Быть может, он заинтересует некоторых читателей журнала.

В. ЗИНОВЬЕВ

Ленинград.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин Н. А. Касаткина и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 00617. Подп. к печ. 2/II 1954 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 146. Заказ 130. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

Заслуженная артистка Украинской ССР, солистка балета Одесского театра оперы и балета И. Г. Михайличенко перед выходом на сцену.

Фото О. Кнорринга.

Copyrighted material

ГЛАВЧАЙ

КРАСНОДАРСКИЙ ЧАЙ ЭКСТРА

ЧАЙ

отечественного производства
имеет приятный вкус.

Цена номера 3 руб.